

И.Г. Дуров

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ОТСТАВНЫХ ВОЕННЫХ И МОРСКИХ ЧИНОВ В МОНАСТЫРЯХ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

*Без надлежащего призрения
никто отставлен не будет, також чтоб
все, взирая и будучи в надежде на сию
Его Императорского Величества милость,
рев[ност]нее к службе поступали¹.*

Исторически сложилась так, что Русская православная церковь (РПЦ) традиционно являлась крупнейшим земельным собственником в Московском государстве. Церковным учреждениям в XVI в. принадлежало около одной трети всей русской территории, а в конце XVII в. даже почти две трети². Русские цари выдавали жалованные грамоты на монастырские вотчины, а для бедных монастырей назначали денежную и хлебную ругу³.

С незапамятных времен часть немощных, больных и престарелых отставных воинов русской армии, не имевших родственников и собственного пропитания, находила себе временное, а порой и постоянное пристанище в монастырях, являвшихся, по существу, своеобразными приютами, или богадельнями. Именно в монастыре страждущий отставной служилый чин мог без вклада получить место для отдыха, пропитание и посылную лечебную помощь из средств народной медицины⁴.

К примеру, в царской грамоте Феодора Алексеевича 1680 г. на имя архимандрита Тихвинского монастыря Макария, расположенного в Новгородском уезде, говорилось: «...пожаловали мы отставных стрельцов Обращку Иванова, Мишку Офонасьева, Петрушку Иванова, Андрюшку Фефилова за их службы и за старость и увечье, велено им быть у вас в Тихвинском монастыре для прокормления, и пищу и одежду давать им против братии; а которые по нашему великого государя указу отставные стрельцы в разные монастыри посланы, и им дается в год денежного жалованья по рублю по тридцати алтын человеку да хлебного запаса по четверику, по полчетверику гороху, по четверику круп овсяных, по десяти гривенок (*фунтов.* — И.Д.) соли на человека, да им же дают недельные хлебы братские по хлебу на человека, и кормить их по воскресным дням братскою пищею»⁵.

Вместе с тем эта повинность не была для монастырей еще общей; например в 1684 г. московские городовые и уездные монастыри, прося патриарха Иоакима «облегчить» их в содержании отставных стрельцов, ссылались именно на то, что иные мона-

стыри и архиерейские дома с приписными к ним монастырями такой повинности не несут⁶.

Азовские походы 1695–1696 г. и особенно начавшаяся в 1700 г. Великая Северная война вызвали постоянный рост численности инвалидов, уволенных в отставку из вооруженных сил страны по ранению (увечью) и болезни, и необходимость их социальной защиты.

Именно при Петре I происходит возникновение и всестороннее развитие системы общественного призрения как на личностном, так и на групповом учрежденческом уровне, для чего активным образом используются материальные средства церкви.

По мнению В.О. Ключевского, Петр I «вооружился против частной милостыни во имя общественной благотворительности как учреждения, как системы богоугодных заведений»⁷, аналогичной той, которая получила распространение в Западной Европе.

Недостаточность денежных средств, поступающих в бюджет длительное время воюющей страны, и постоянная нужда в деньгах (с 1706 г. «велено збирать денги, которые не годятца в службу, и с отставных [военных из дворянского сословия], и с вдов, и с девок, и с недорослей»⁸) побуждала Петра I изыскивать все новые источники доходов⁹.

Вместе с тем по-прежнему активно использовался и традиционный подход в виде «пропитания» отставных военных чинов через монастыри и богадельни Русской православной церкви, то есть без прямого участия «государевой казны», который в эпоху правления первого русского императора получил новое качественное развитие.

Источниковедческий анализ показал, что в процессе массового призрения отставных военных и морских чинов армии и флота, не имевших собственного пропитания и жилья, принимали участие практически все мужские и женские православные епархиальные и патриаршие (с 1721 г. Синодальной области) монастыри и синодальные богадельни.

Именно острая нужда в денежных средствах подвигла монарха и его «прибыльчиков» к мысли о превращении православных монастырей в основные учреждения государственного призрения. С этой целью 24 января 1701 г. указом Петра I был восстановлен Монастырский приказ как государственный орган контроля и надзора за денежными и материальными доходами монастырских вотчин и хозяйств богаделен¹⁰.

«Ведал» Монастырским приказом бывший астраханский воевода боярин И.А. Мусин-Пушкин. Его заместителем был назначен стольник Дмитрий Протасов.

Монастырский приказ, восстановленный в 1701 г., просуществовал до 1720 г., когда был расформирован. В следующем 1721 г. он был вновь восстановлен и функционировал до 1724 г., когда навсегда закончил свое существование под этим названием¹¹.

В 1701–1707 г. Монастырский приказ провел инвентаризацию, в ходе которой было уточнено количество имущества, числящегося за высшими иерархами и другими клириками РПЦ, сверены размеры земельных участков, переписано податное население всех церковных владений, установлена примерная численность мест, пригодных для определения в монастыри и богадельни лиц, нуждающихся в питании, уходе и лечении¹².

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Фактическая на практике политика секуляризации, которую всесторонне осуществлял Петр I в отношении земель и имущества РПЦ, позволяла ему контролировать доходы монастырей¹³, определять монастырский персонал¹⁴, численность призреваемых в обителях и богадельнях отставных военных и морских чинов. Причем он исходил только из острой необходимости обеспечить все возрастающие военно-финансовые расходы и увеличивающиеся материально-технические потребности русского государства в Северную войну, а не из запросов и стремлений к роскошной жизни многочисленного клира¹⁵.

Токарь монарха А.К. Нартов, по словам его сына А.А. Нартова, рассказывал, что «о духовных имениях разсуждал Петр Великий тако: "Монастырския с деревень доходы употреблять надлежит на богоугодные дела и в пользу государства, а не для тунеядцов (*многочисленной монашествовающей братии*. — И.Д.). Старцу (*монаху*. — И.Д.) потребно [только] пропитание и одежда, а архиерею [необходимо назначить от казны] довольное содержание, чтоб сану его было прилично [выглядеть в высшем российском обществе]"»¹⁶.

Монастырские вотчины в XVIII столетии делились на «определенные» и «заопределенные». Их различие заключалось в том, что денежные доходы и материальные средства с «определенных» вотчин полностью поступали в монастырскую казну и бесконтрольно расходовались для удовлетворения потребностей православной обители.

«Заопределенные» монастырские вотчины должны были в первую очередь обеспечивать военно-финансовые и материальные потребности государства и отбывать казенные повинности в пользу всего российского общества¹⁷.

Главными из них были следующие: отчисление установленных монархом размеров денежных доходов и хлебной дачи в пользу государства¹⁸; снабжение провиантом и другими материальными средствами воинских частей и подразделений¹⁹; обеспечение пенсионным денежным жалованьем и хлебной порцией (питанием) отставных офицеров, унтер-офицеров и рядовых²⁰; осуществление различных денежных сборов на содержание сухопутных и морских госпиталей²¹, а также учебных и благотворительных заведений²².

Царь, целеустремленно укрепляя свою безраздельную и никем не ограниченную власть в абсолютистском государстве, последовательно, с использованием комплексных практических мер стремился подорвать основы экономического и политического влияния Русской православной церкви в русском позднефеодальном обществе.

Источниковедческий анализ показал, что самодержец систематически уменьшал денежное жалование и хлебную дачу священнослужителей, причем, как правило, низшего звена и особенно у черного духовенства. Так, 30 декабря 1701 г. он запретил монахам без разрешения Монастырского приказа пользоваться всеми доходами монастырских вотчин для их «пропитания». В качестве компенсации он установил им следующие виды содержания в течение года на одного человека: «начальным и подначальным монахам по 10 руб. и 10 четвертей хлеба и дрова в довольность их»²³.

В 1705 г.²⁴ вышеуказанные нормы денежного жалования и хлебной дачи мо-

нахам под предлогом значительного увеличения денежных расходов казны в ходе Великой Северной войны были уменьшены монархом наполовину²⁵. Данные размеры денежного жалования и провианта для монахов, а также нормы других необходимых, первоочередных монастырских расходов были подтверждены Генеральным распоряжением 1710 г.²⁶.

Однако наметившаяся тенденция к последовательному уменьшению норм денежного и хлебного довольствия для монастырской братии продолжалась, несмотря на установленные размеры табельных окладов, и в последующие годы правления Пера I²⁷.

К примеру, в 1718 г. в столичном Троицком Александро-Невском монастыре годовые денежные оклады монахов, постоянно «обретающихся на монастырском хлебе и пище», составляли от 2 руб. до 2 руб. 50 коп.²⁸. Только после окончания войны наблюдается в монастырях рост денежного и хлебного жалования монахов и монахинь²⁹.

Так, с 22 мая 1724 г. «подначальным монахам» назначали по 6 руб. и 5 четвертей (чтт) хлеба, а «начальным» от 8 до 30 руб., игумену 50 руб., архимандриту 100 руб., хлеба: дякону 7 четвертей, прочим «подначальным монахам» — по 8 четвертей каждому в год³⁰.

Однако, исходя из полученных доходов от монастырских вотчин, и после выплаты пенсий и выдачи съестных припасов отставным военным и морским чинам, зачисленным на довольствие, денежные оклады и хлебные дачи монахов большинства епархиальных монастырей и Синодальной области остались по-прежнему небольшими по размерам.

К примеру, в Нижегородском Воскресенском Печерском монастыре иеромонахи по-прежнему получали по 5 руб. и 5 четвертей хлеба на одного человека в год³¹. Тогда такое же жалование получал и архимандрит Желтикова монастыря Тверской епархии — 5 руб., а рядовые монахи еще меньше — по 2 руб., а хлеба каждому монаху отпускалось по 6 четвертей³². Вместе с тем постоянный размер хлебной дачи для монашествующей братии Троицкого Макарьева Желтоводского мужского монастыря Нижегородской епархии вообще не устанавливался, так как он зависел от запасов хлеба, присланных из вотчин³³.

По указам монарха³⁴ штаб- и обер-офицеры, унтер-офицеры и рядовые пехотных и кавалерийских полков русской регулярной армии, которые «от армейской и гарнизонной службы за ранами и старостью отставлены» и не имеющие после увольнения собственного дома и «пропитания», «для прокормления»³⁵ по смерти убывали в мужские монастыри и синодальные богадельни³⁶ пешком, как богомольцы, и выезжая гужевым транспортом в епархии, «куда [они сами] пожелают». Пенсия отставным военным и морским чинам в виде оклада денежного жалования по последнему воинскому чину и норма хлебной дачи выплачивались за счет доходов монашеских обителей³⁷.

Имеющееся в архиве Александро-Невской лавры дело о помещении одного отставного солдата «за раню» (его имя и фамилия отсутствуют) в духовное учреждение, позволяет понять организацию передачи военнотружущего из Военной коллегии, в частности, в Иверский мужской монастырь. Так, путем личного осмотра тайный советник

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

генерал-кригс-комиссар князь В.Я. Долгорукий установил, что у солдата Выборгского пехотного полка «правая нога отбита, [поэтому он должен быть] от службы отставлен».

Сам же солдат 4 мая 1715 г. подал челобитную в Военную канцелярию, в которой просил «дать ему пропитание» в Иверском монастыре, из слуг которого он и был призван на военную службу. Инвалид в челобитной особо подчеркивал, что в настоящее время ему «кормиться нечем». Просьба рядового была удовлетворена, после чего он получил препроводительный указ за подписью дьяка Маслова к архимандриту Феодосию, заплатил полтину печатных пошлин и убыл с сопровождающим для проживания в монастыре³⁸.

Источниковедческий анализ показал, что в провинциальных монастырях РПЦ размеры довольствия нижних чинов были значительно меньше, чем установленные в столичном Троицком Александро-Невском монастыре для рядовых привилегированных лейб-гвардейских полков. Так, 29 июля 1719 г. Правительствующий Сенат приговорил направить отставного рядового Лариона Сенифонтского в Новгородский Варлаамо-Хутинский (Хутынский) православный мужской монастырь и давать ему из обительских доходов по 5 руб. 46 коп., 3 четвертей ржаной муки и 1,5 четвертей круп и 24 фунта соли на год³⁹.

Парадокс, но отставным нижним чинам пехотных полков, находившихся на призрении в Троицком Александро-Невском монастыре, установили размеры денежного довольствия меньше, чем в других монастырях. Так, солдатам выплачивали по 3 руб. в год, а инвалиду-ландмилиционеру в период с 1716 по 1719 г. только по 2 руб. 5 алтын 3 денги. Все они «обретались на монастырском хлебе и пище», включавшей следующие продукты: печеный свежий хлеб, сухие сметки, толокно, горох, ячменную и овсяную крупу, семя конопляное, «крошево» (квашеную капусту), соль. По воскресным и праздничным дням им, как и монахам, выдавалась рыба: сиг, корюшка и лосось, причем не исключалась и свежая, когда был улов, а также отпускались коровье масло и овсяная крупа для приготовления киселя⁴⁰.

Другим отставным нижним чинам, которые по указу монарха (Военной коллегии) убывали в Троице-Сергиевский, Благовещенский Нижегородский, Успенский Орловский, Троицкий Смоленский монастыри и прочие православные обители, пенсионное денежное жалованье и хлебная дача отпускались с 1716 г. «против [должностных окладов] гарнизонных солдат тех губерний, в которых оные монастыри обретаются»⁴¹.

В частности, в Троице-Сергиевском монастыре отставному раненому драгуну Лыткину выплачивались за счет доходов обители 5 руб. 27 алтын, 3 четверти ржаной муки и 1,5 четверти круп и 24 фунта соли на год. Тогда как солдаты лейб-гвардии Преображенского и Семеновского пехотных полков, подобно Лыткину постоянно проживавшие в монастыре, получали большую дачу — по 6 руб., по 5 четвертей ржи и овса, 3 пуда соли на человека в год⁴².

Указ царя от 3 мая 1720 г.⁴³ вновь предписывал архиерейским домам и настоятелям давать им пенсионное жалованье и хлебную дачу из доходов монастырей, «против тех губерний офицеров и урядников, в которых оные монастыри и богадельни обретаются»⁴⁴.

Следующий указ монарха, объявленный из Военной коллегии 25 октября 1720 г., возлагал на генерал-губернаторов обязанность производить строевые смотры «военных людей и даче отставки тем, кои за старостию или болезнями служить не могут».

После строевого смотра и медицинского освидетельствования некоторая часть военных и морских чинов, не имевших собственного пропитания и жилья, направлялась в мужские и женские православные монастыри. Там они из монастырских доходов получали установленные для уволенных в отставку от военной службы виды довольствия — пенсионное окладное денежное жалованье и хлебные дачи на основании закона от 3 мая 1720 г. При этом если военный мундир у ветерана использовался половину срока носки, определенного указом монарха, или «весь выслужил [установленный срок]», то он не сдавался и находился в его личной собственности⁴⁵.

Как правило, из столицы Российской империи абсолютное большинство отставных военных и морских чинов направлялись в епархиальные монастыри и монастыри Синодальной области, так как в Санкт-Петербурге по состоянию на 1725 г. находился только один Александро-Невский монастырь, который еще продолжал строиться⁴⁶.

Петр I с целью систематического контроля жестко и непреклонно требовал от Монастырского приказа, а с 1721 г. и со Святейшего Синода предоставления ему ежемесячной справки о наличии денежных сумм и хранимого в монастырских амбарах хлеба. Кроме того, он регулярно получал ведомости с учетными данными о движении по обителям монахов и монахинь, о количестве отставных солдат и матросов, урядников, штаб- и обер-офицеров, проживавших и лечившихся в мужских и женских монастырях⁴⁷. Самодержцем предписывалось содержать в каждом монастыре такое количество отставных, какое дозволялось его доходностью, причем пропорционально с доходами других монастырей. Их обязали ежемесячно предоставлять в консистории и губернские канцелярии именные списки отставных чинов армии и флота с указанием даты поступления и общего количества лиц, получавших пропитание на монашеских порциях.

К примеру, 23 мая 1724 г. архимандрит Сергей с братией Нижегородского Благовещенского мужского монастыря подал комиссару Нижегородской губернской канцелярии Ф.И. Григорову ведение с приложенным реестром о количестве отставных офицеров, драгун и солдат, находившихся в монастыре. Первым в именном списке был вахмистр Игнатий Кашин, который до увольнения в отставку служил полковым цирюльником в Гренадерском полку, которым командовал полковник К.К. фон дер Ропп. И. Кашин поступил в Благовещенский монастырь 27 октября 1720 г. по указу Петра I «за приписанием рукою светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова»⁴⁸. Далее в реестре архимандрита Сергея перечислялись все отставные военные чины из пехотных и драгунских полков, поступившие в Благовещенский монастырь в период с 1721 по 1724 г. по указам императора Петра I (Военной коллегии)⁴⁹.

Для осуществления приема отставников в православные обители по указам монарха и сенатским определениям был предварительно проведен целый комплекс организационно-штатных мероприятий, приведший в результате к ухудшению жизненного уровня, бытовых условий и морально-психологического состояния монахов⁵⁰.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Царь постоянно требовал от высших иерархов РПЦ приостановить рост численности черного духовенства. С целью контроля монастыри ежемесячно посылали в епархиальные духовные приказы (консистории) доношения, где указывали количество прибывших и убывших из обителей, в том числе и скончавшихся монахов и монахинь⁵¹.

Известно, что некоторые православные монастыри были Петром I упразднены или использованы на другие, сугубо мирские цели⁵². Здания закрывавшихся монастырей, как правило, обращались в воинские казармы, военные госпитали (лазареты), богадельни для содержания нищих и увечных, смирительные дома для содержания сумасшедших людей.

В каждом оставшемся монастыре было установлено штатное число монахов⁵³, а на убылые места самодержцем было велено с 1715 г. принимать только отставных больных и увечных солдат (матросов), унтер-офицеров и офицеров, не имеющих собственных денежных и материальных средств для расквартирования, лечения и прокормления⁵⁴.

Приговор Правительствующего Сената от 29 июля 1719 г. предписывал Военной и Адмиралтейской коллегиям и Монастырскому приказу отсылать отставных военных и морских чинов в монастыри на прокормление и давать им пенсионное окладное жалованья и провиантские дачи рядовым и унтер-офицерам из монастырских доходов⁵⁵.

С этих пор и до времени начала правления императрицы Екатерины II православные монастыри фактически оказались в положении инвалидных домов, причем подобная роль не могла удовлетворять ни их самих, ни Святейший Синод.

Тем более что военное и морское ведомство действовало первоначально через «голову» Духовной коллегии, направляя «напрямую» отставных военных и морских чинов на пропитание в монастыри. Весьма знаменателен приговор Святейшего Синода от 15 марта 1721 г. «Об истребовании из Военной и Адмиралтейской коллегии именного списка посланных для прокормления в монастыри офицеров и солдат, дабы годных из них определить в службу в Святейший Синод в число недосланных из Военной коллегии»⁵⁶, наименование которого наводит на мысль, что в духовном ведомстве не знали, кого именно из отставных военных и морских чинов канцелярии направляли в православные обители.

Бессистемность в определении на пропитание отставных чинов армии и флота привела к тому, что 26 мая 1721 г. Святейший Синод по получении очередного донесения Монастырского приказа о неимении у многих монастырей доходов на их содержание постановил срочно требовать от Сената на этот счет «резолюции».

Действительно, денежные доходы некоторых монастырей, в которые преимущественно сначала рассылались отставные чины, были уже определены Монастырским приказом на содержание монастырской братии и инвалидов армии и флота, остальную, оставшуюся сумму денег по повелению Петра I следовало отсылать в «указные места»⁵⁷.

Кроме того, как уже отмечалось, первоначально размещение ветеранов по монастырям осуществлялось военным и морским ведомством, Монастырским приказом без выработанных правил, вследствие чего в некоторых монастырях скопилось

значительное число отставных чинов, на содержание которых стало не хватать средств⁵⁸. Поэтому численность монашествующих братьев по вышеназванным обстоятельствам стала неуклонно уменьшаться⁵⁹. Одновременно по мере уменьшения количества монахов и монашек в мужские и женские православные монастыри РПЦ на убылые монашеские порции помещались отставные военные и морские чины⁶⁰.

К примеру, если в 1720 г. в Спасском Преображенском монастыре города Арзамаса Нижегородской губернии было 35 монашествующих и 6 отставных военных чинов (17 %), то в 1723 г. их стало 30, а количество военных осталось на прежнем уровне (20 %)⁶¹. Или: в Духовом мужском монастыре, по справке архимандрита Лариона, которая ежемесячно представлялась Питириму, архиепископу Нижегородскому и Алатырскому, в 1724 г. — 35 монахов, в январе 1725 г. — 32, в августе 1725 г. — 31 (итоговые цифры)⁶².

Так как от Правительствующего Сената никакой «резолуции» не последовало, Святейший Синод активно принял всяческие меры в пользу освобождения духовного ведомства от лишних и в значительной части бесцеремонных нахлебников⁶³, своим массовым появлением в обители резко изменивших быт монашествующей братии⁶⁴.

Историк церкви А.С. Лебедев пришел к следующему выводу, что «...воины эти, присылаемые в монастыри, и вообще не могли быть для монастырей приятны как элемент, чуждый, иначе дисциплинированный, да вдобавок еще, нужно сказать, не всегда спокойный. В монастырях они заводили подчас ссоры и драки (*довольно часто по всякому, в том числе и мелочному поводу, как между собой, так и с монахами.* — И.Д.) и обращались к монастырским властям, чтобы те судили и рядили их»⁶⁵.

Традиционным «судилищем» за нарушение условий проживания в монастырях были порки кнутом зачинщиков конфликтов и драк между отставными чинами и монашествующими братьями. Прекратились телесные наказания священников и иеромонахов только после издания указа Святейшего Синода от 7 июня 1767 г.⁶⁶. К этому времени отставные инвалиды армии и флота на основании Манифеста императрицы Екатерины II от 26 февраля 1764 г.⁶⁷ около трех лет уже не посылались в обители.

Однако первоначально монастырские власти были вынуждены просить епископов епархий, чтобы для них в духовных консисториях разработали подробные инструкции о порядке содержания в монастырях отставных офицеров, унтер-офицеров, драгунов и солдат, направленных для пропитания в мужские и женские православные монастыри⁶⁸.

25 января 1721 г. по указу Петра I церковные вотчины из ведения государственных коллегий вместе со всеми делами перешли в распоряжение Святейшего Синода⁶⁹.

26 апреля 1721 г. Синод предписал перевести в другие монастыри из Высоко-Петровского монастыря присланных туда Военной коллегией на пропитание отставных солдат и драгун, которых из-за их многочисленности нечем было содержать: «Перевести в иные монастыри, в которых солдат не послано или за которыми есть вотчин больше и владеют за определением отставленными вотчинами сами [церковные] власти»⁷⁰.

17 мая 1721 г. Синод запретил впредь без его указа выдавать денежное и хлеб-

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

ное жалование отставным офицерам и солдатам, присланным без его ведома на пропитание в Чудов монастырь Псковской епархии. Архимандриту предписывалось, что «солдат следовало определить к монастырским делам в какую кто службу годен»⁷¹.

5 июля 1721 г. Синод постановил присылаемых в Монастырский приказ отставных военных и морских чинов впредь без его указа в обители не принимать.

Однако это противоречило намерениям Петра I в вопросе призрения отставных чинов армии и флота⁷², и поэтому Синод обратился к монарху с докладом, что у архиерейских домов и монастырей нет другого источника на выдачу пенсионного жалования инвалидам, проживающим в православных обителях, кроме табельных доходов. Без особого определения дачи было из «тех доходов чинить не возможно».

Конечно, Синод желал полной отмены пенсионных денежных выплат и дач провианта в монастырях отставным военным и морским чинам. Однако самодержец решительно отверг притязания духовного ведомства в отношении ветеранов армии и флота и 19 ноября 1721 г. наложил против 21 пункта доклада свою резолюцию: «Давать, отколь прежде давано, до генерального определения» по особой записке: «Рассмотреть и приготовить [предложения] к генеральному определению Военной коллегии»⁷³.

17 января 1722 г. духовное ведомство с целью придания плановости и равномерности определения отставных военных и морских чинов на пропитание потребовало от Военной и Адмиралтейской коллегий предоставить от желающих поступить в монастырь следующие сведения: сколько ему лет и в какой монастырь он желает поступить. С целью снизить количество отставных чинов армии и флота, направляемых в мужские и женские монастыри, высшие иерархи РПЦ решили задействовать для пропитания синодальные богадельни. Для этого было решено снять с довольствия всех тех богаделенных лиц, которые имели собственные дома⁷⁴.

Одновременно Синод вновь сделал попытку освободиться от содержания уволенных ветеранов, когда не принял в январе 1722 г. на пропитание в монастыри присланных от Военной коллегии 19 увечных урядников и нижних чинов разных армейских полков. 17 января 1722 г. Синод своим указом запретил помещать в монастыри отставных больных и раненых солдат. Одновременно, чтобы исключить жесткие претензии в свой адрес от Правительствующего Сената, Военной и Адмиралтейской коллегий за необоснованный отказ принимать в обители инвалидов, нуждающихся в жилье, пропитании и излечении, Святейший Правительствующий Синод приговорил назначить денежное и хлебное содержание всем отставным штаб- и обер-офицерам, урядникам, солдатам и матросам, «...кои помещены в монастыри в прежнее время».

Первый послевоенный 1722 г. ознаменовался массовой отправкой отставных унтер-офицеров, драгун, солдат и матросов «для пропитания» в монастыри. Всего в течение года Военная и Адмиралтейская коллегии через Синод отослали 535 отставных ветеранов, что составило 66,2 % от 803 призреваемых инвалидов во всех православных монастырях⁷⁵.

Современник В.Н. Татищев свидетельствует, что «Петр I повелел всех довольно в войске послуживших или по слабости не могущих, велел в гражданство определять»⁷⁶.

В указе Правительствующего Сената от 3 августа 1722 г. о массовом поступлении

отставных нижних чинов и унтер-офицеров армии и флота говорилось: «Отставных драгун, солдат и матросов, кои не из дворянства, жили в Москве и других городах, не на пашнях, ныне пропитания не имеют, також велено отсылать в Синод. И по тому указу принято в Синод 535 человек. А ныне больше не принимают, объявляя, что из Сената повелено их довольствовать из неокладных доходов. А так инде доходов у них нет и довольствовать нечем, и доношение в Сенат [от Святейшего Синода] подано...»⁷⁷.

В результате проверки в каждом патриаршем (синодальном) и епархиальном монастыре было установлено общее количество монахов и монашек, что позволяло достоверно рассчитывать среднее количество отставных военных и морских чинов, не имевших собственного пропитания и поэтому определенных туда для призрения⁷⁸.

По авторитетному мнению компетентного обер-штер-кригс-комиссара Адмиралтейств-коллегии генерал-майора Г.П. Чернышева, на которого президентом морского ведомства генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным была возложена организация отправления отставных флотских чинов в мужские и женские монастыри, потенциальное количество «упалых монашеских мест» в православных обителях было очень велико. Так, в докладных пунктах, направленных 9 февраля 1723 г. в Правительствующий Сенат, он обратил особое внимание сенаторов на то, что в монастырях РПЦ на данный период времени содержалось всего 803 штаб- обер- и унтер-офицеров и рядовых армии и флота.

Далее генерал-майор Г.П. Чернышев, основываясь на ученых данных, писал, что «по определению Монастырского приказа счисляется в монастырях, кроме не ведомственных приказу Киевской, Новгородской, Псковской, Сибирской, Черниговской, Переславской, Карельской и Курской епархией в мужских и девических 382 монастырях, 13000 человек. Большое количество еще людей (*отставных военных и морских чинов*. — И.Д.) довольствоваться [убылыми порциями вместо монахов] могут»⁷⁹.

Указ духовного ведомства от 17 января 1722 г. в части, касающейся нелегкой судьбы увечных и хворавших ветеранов армии и флота, гласил, что «...отставных за скорбями, и за ранами, и за болезнями разных полков урядников и солдат для определения в монастыри не отсылать, понеже их, отставных, в монастырях довольствовать нечем»⁸⁰.

В ответ на демарш Синода 12 апреля 1722 г. Петр I предписал: «На убылые места определять отставных...». Количество убылых мест в каждом монастыре для содержания отставных военных и морских чинов следовало убавить в размере от трети до половины штатных монашеских порций. По решению императора излишние монахи должны были переведены в те монастыри и пустыни, «в коих братия содержится [только] от трудов»⁸¹.

Таким образом, монарх был вынужден уточнить организацию денежного и пищевого довольствия военных в отставке, проживающих в монастырях, наложив высочайшую резолюцию на докладные пункты Святейшего Синода: «Служивым людям, старым и увечным, давать рядовым против чернцов (*монахов*. — И.Д.), а унтер-офицерам — по полторы порции, а обер- и штаб-офицерам против регламента — порционы».

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Причем самодержец особо подчеркнул: «И давать таким, которые в монастырях, а женатые — [если] при монастырях жить пожелают; а кои в домах будут жить своих, тем не давать; а которые могут еще управлять дела монастырские — и им [всем] быть у дел»⁸².

Данным определением о выдаче штаб- и обер-офицерам порционов «против регламента» их пенсионное жалование существенно повышалось (полковнику — 742 руб. 73,5 коп., подполковнику — 371 руб. 36,5 коп., майору — 282 руб. 24 коп., капитану — 222 руб. 73 коп., поручику — 134 руб. 24 коп., подпоручику — 104 руб. 44,5 коп., прапорщику — 74 руб. 54,25 коп. в год⁸³) по сравнению с тем, какое оно полагалось по сенатскому определению 1719 г.⁸⁴, назначившим отставным чинам гарнизонные должностные оклады.

Особенно большие денежные расходы в православной обители приходились на присланных отставных штаб- и обер-офицеров, получавших пенсионные оклады по регламенту, и на унтер-офицеров, которым полагались полторы порции монаха.

К примеру, для выплаты годовой пенсии отставному подполковнику, находившемуся в Нижегородском Вознесенском Печерском монастыре, требовалось 371 руб. 36,5 коп., что было равно жалованью 74 монахов (один монах получал 5 руб. в год).

Даже рядовому пехотного (кавалерийского) полка выдавали в монастыре пенсию (10 руб. 98 коп.) по размеру в два с лишним больше, чем годовое жалование монаха⁸⁵.

Именно эти высокие, но заслуженные оклады пенсионного жалования, назначенные Петром I для отставных военных чинов в монастырях, вскоре сделались предметом зависти среди монашествующей братии, сетований и непрерывных жалоб архимандритов в епархии, Синод и Сенат как на оклады для них крайне обременительные⁸⁶. Так, 17 августа 1722 г. Святейший Синод распорядился сообщить по епархиальным и синодальным монастырям свое указание, «...откуда и из каких сумм довольствоваться содержанием отставных штаб-, обер- и унтер-офицеров, а также рядовых, помещаемых в монастыри». В ведении, направленном в Правительствующий Сенат, Синод потребовал от него прислать резолюцию, как довольствоваться отставных чинов, «...понеже монастыри содержатся определенными на наличных монахов деньгами, которая в неких местах и на собственное монахов удовольствия недостаточные, понеже во многих монастырях есть излишние сверх определения монахи, которых ныне убавить никаким образом не возможно». Синод вновь обращал внимание Сената на то, что у отставных офицеров «великая дача» и выплатить им эту немалую сумму большинство монастырей не могут⁸⁷.

Или к примеру: Святейший Синод в декабре месяце 1724 г. направил ведение в Герольдмейстерскую контору Сената, в котором сообщал, что в синодальную команду к «делам» направлены Военной коллегией отставные офицеры майор Иван Вавилов, капитан Афанасий Паюсов и квартирмейстер Георгий Мусорин. Святейший Синод на своем заседании решил в Герольдмейстерскую контору Правительствующего Сената послать указ, чтобы «впредь таковых с великими окладами офицеров на синодское правление не присылать, понеже за умалением казны довольствоваться их не из чего»⁸⁸.

И после издания указа Петра I от 12 апреля 1722 г. наблюдались случаи отказа Синодом приема отставных чинов в монастыри. И это — несмотря на подтверждение изданного 20 августа 1722 г. Синодом об исполнении указа монарха от 12 апреля 1722 г. о количестве отставных штаб-, обер- и унтер-офицеров, которых необходимо содержать по пропорции на пропитании в мужских и женских монастырях. Настоятели монастырей вновь получили указание обеспечивать отставных рядовых как монахов, унтер-офицерам отпускать полторы окладной порции, а офицерам выплачивать денежную компенсацию взамен рационов в количестве по последнему воинскому чину⁸⁹.

Вместе с тем вскоре, 28 сентября 1722 г., духовное ведомство издало указ «О не присылке без рассмотрения в Святейший Синод для помещения в монастыри из Канцелярии генерал-майора Чернышева отставных солдат и офицеров».

Указ констатировал, что из армии и флота было уволено в отставку большое количество военных и морских чинов. Среди них находились некоторые отставные драгуны, солдаты и матросы недворянского происхождения, которые до призыва в армию и флот проживали в Москве, в других российских городах, а не «на пашне» и ныне для пропитания средств не имеют. Они обязательно будут «бить челом», чтобы получить пропитание в монастырях. У тех, которые «бить челом» не будут, следует спрашивать, какими рукоделиями или иными способами они смогут заработать себе пропитание? Выяснив у каждого которой он владеет специальностью, таких отставных чинов необходимо записывать в ремесленные цеха, портными, сапожниками, плотниками и прочее или в другие работы или службы, например рассыльщиками, по их желанию.

Однако из Канцелярии генерал-майора Г.П. Чернышева в Святейший Синод без конкретного рассмотрения и подробного опроса уволенных от военной службы прислали 373 отставных офицеров, унтер-офицеров и рядовых для отправления на пропитание в мужские и женские монастыри. Несмотря на эту массовую присылку, духовное ведомство гарантировало Сенату, что все инвалиды будут распределены по монастырям, хотя и не без возникших трудностей, связанных прежде всего с их пенсионным обеспечением, «...понеже содержатся определенными на наличных монахов деньгами, которые в неких местах и на собственное монахов удовольствия значатся недостаточно»⁹⁰.

Вместе с тем 22 ноября 1722 г. отставные драгуны и солдаты в количестве 28 чел. разных армейских полков были посланы с доношением в сопровождении подьячего (фамилия в источнике отсутствует) из канцелярии Военной коллегии в Синод для определения в монастыри. Однако секретарь Синода Василий Тишин сказал подьячему, что из-за большого количества отставных чинов в команде он их принимать не будет. Свое решение он обосновал тем, что в «...канцелярии думали, что их не много, а ныне присылается (*в Синод отставных чинов армии и флота. — И.Д.*) многое число и довольствоваться (*их в монастырях из-за отсутствия денежных средств и хлеба. — И.Д.*) нечем». Он потребовал от подьячего предоставить в Канцелярию Святейшего Синода на сказанных отставных военных чинов и на «впредь которые явятца» соответствующий указ Правительствующего Сената, в котором следовало отразить, куда их следует определить в епархиях и Синодальной области с обязательным

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

показанием источника их обеспечения, так как неокладные доходы, из которых Сенатом предписывалось выплачивать жалованье и хлебную дачу, в настоящее время в монастырях отсутствуют.

И это были не последние отставные инвалиды, которые не были сразу приняты в духовном ведомстве. В присланном ведении от 21 декабря 1722 г. из Синода в Сенат изложено, что в разные месяцы и дни данного года в Синодальную канцелярию прислано из Адмиралтейств-коллегии генерал-майором Г.П. Чернышевым 123 отставных офицеров, матросов и солдат⁹¹. По указам самодержца и приговорам правительства отставных чинов, которые по написанным «сказкам» объявили не имеющими собственного пропитания, их начали отбирать в Святейшем Синоде для рассылок в монастыри разных епархий.

С указом Синода в Монастырский приказ было отослано 94 человека. Другие отставные чины, которые были взяты на военную службу от помещиков («с пашни»), а также те, которые определения в монастыри от духовных властей не требуют, а желают быть при караулах и рассылок у разных коллегий и контор, а также «...и у помещиков в домах». Таких отставных оказалось 27 чел.⁹². Все они были «...отосланы в Синодальный дом с дворянином Евреиновым, который с тем посланным указом в Синод возвратился и скаскою объявил, что оногo указу генерал-майор Чернышев не принял. А сказал, что таков указ ему принять не надлежит, но дабы (он. — И.Д.) из Синода сообщил о том Сенату». В донесении Г.П. Чернышева в Сенат, направленном 26 ноября 1722 г., говорится о недавнем отрицательном опыте, полученном при попытке устройства уволенных домой рядовых армии и флота на собственное пропитание, которые возвратились потом назад в военное или морское ведомство: «Явились отставные драгуны, солдаты, матросы с паспортами из Военной и Адмиралтейской коллегии из канцелярий [с письмом], в которой написано, что они за старостию и за увечием отставлены и отпущены в дома свои. А иные из помещиковых [крестьян] и в вотчины, с которых были отданы в рекруты, а они в скасках своих объявляютца, в те вотчины в их прежних жилищах родственников (нет. — И.Д.) и питатца им не от кого, а другие за скудостию и за болезнями в те вотчины и не ходили, а кормились в Москве работою, а промыслов и рукоделия никакого не имеют, и просили, чтоб их отослать для пропитания в монастыри... (курсив наш. — И.Д.)»⁹³.

Таким образом, часто случалось, что нижние чины армии и флота, уволенные в отставку и отпущенные на собственное пропитание домой, по вышеназванным причинам вынуждены были возвращаться обратно. Они просили командование направить их либо в монастырь (богадельню) или предоставить им посильную службу в центральных, губернских (провинциальных) и уездных учреждениях с учетом их возраста и здоровья. Незначительную часть грамотных отставных нижних чинов, как людей весьма опытных, дисциплинированных и честных, по просьбе прихожан церкви епископ епархии иногда назначал в селах на должности пономаря или дьячка⁹⁴. Как правило, отставные чины, находившиеся в браке, проживали не в кельях обитателей, но в домах, расположенных в слободах и селах, принадлежавших монастырям⁹⁵. Жены

I. ARTICLES

отставных военных и морских чинов также получали хлебную дачу⁹⁶, но, как показывают последующие указыные разъяснения, только в том случае, если они вышли замуж до определения в монастыри⁹⁷. Холостые отставные нижние чины и унтер-офицеры армии и флота размещались для проживания непосредственно в кельях монастырей. Так, 24 сентября 1723 г. 64 отставных лейб-гвардии пехотных полков урядника и солдата были помещены в Троице-Сергиев монастырь на пропитание. Размеры денежного и хлебного жалования им были установлены архимандритом монастыря на основании указа Петра I от 12 апреля 1722 г.⁹⁸. Однако повсеместные неурожаи в стране вносили существенные коррективы в выплату денежного и хлебного жалования отставным чинам, находившимся на пропитании в монастырях. 17 декабря 1723 г. Святейший Правительствующий Синод издал указ «О продовольствовании отставных урядников, драгун и солдат, состоящих при монастырях». Основанием для публикации указа явилось донесение Монастырского приказа о том, что «бедным солдатам в даче жалования учинилась остановка, а не получают [они] близко года, а иные [уже] и по году...». Поэтому монастырские власти либо уравнивали размеры хлебной дачи с монахами или переводили отставных унтер-офицеров и рядовых на довольствие в трапезную совместно с монахами. Из-за отсутствия денег ветераны не могли приобрести себе новую одежду и обувь, а все предметы старой одежды сильно обтрепались, а обувь износилась⁹⁹. Вместе с тем некоторые отставные чины в монастыри и богадельни синодального ведомства попадали только через несколько лет после увольнения от военной службы.

К примеру, 5 июня 1724 г. отставной солдат лейб-гвардии Преображенского полка Наум Хруснов подал в Святейший Правительствующий Синод челобитную, в которой просил определить его на пропитание в какой-либо мужской монастырь. Ветеран писал, что он начал служить его императорскому величеству со Второго Азовского похода (1696). Далее Наум Хруснов участвовал в составе Преображенского полка во многих батальных и приступах по взятию крепостей, а в 1709 г. по указу Петра I «за старостию и за ранами» от полковой службы отставлен, а к штатским делам никуда не был определен и кормился в Москве «по сие число Христовым именем». Н. Хруснова направили в Никитскую синодальную богадельню, расположенную за Яузскими воротами. Другие инвалиды попадали в монастырь (богадельню) после нескольких лет нахождения на штатской службе, когда у них случился «упадок сил и слабость зрения»¹⁰⁰.

В связи с этим духовное ведомство 27 марта 1724 г. своими указами предписало настоятелям обителей определять к делам тех из отставных обер- и унтер-офицеров, отосланных в монастыри на пропитание, которые физически сильны, а семейным увечным унтер-офицерам и солдатам давать порции «только на собственные их персоны», предоставляя им право жить в тех населенных пунктах страны, где они сами пожелают. А которые из них «весьма престарелые или больны и дряхлы, тем быть в монастырях»¹⁰¹. Кроме отставных чинов, в монастырях и богадельнях жили и вдовы солдатки (матроски), которые помещались туда также на пропитание¹⁰². Все эти лица пользовались поме-

щениями и довольствовались пищевыми порциями от православных монастырей.

Важно отметить, что содержать отставных военных и морских чинов были обязаны как мужские, так и женские православные монастыри. Основным контингентом призреваемых в женских монастырях традиционно являлись пожилые и больные вдовы беспоместных и бескрестьянных офицеров, унтер-офицеров и рядовых армии и флота¹⁰³.

К примеру, в январе 1723 г. вдова корабельного плотника Сидора Федорова, умершего 11 лет назад, Елена Исаева, возрастом 63 лет, направила в Синод челобитную, в которой просила определить ее в женский монастырь. Она сообщала, что собственного пропитания у нее нет, детей и других родственников она не имеет и к тому же страдает «очною (*глазною*. — И.Д.) болезнию». Синод направил вдову Елену Исаеву для пропитания в Псковский Ильинский женский монастырь, что располагался «в Запсковье»¹⁰⁴.

С 1739 г. в женские монастыри на пропитание направляются исключительно штаб- и обер-офицерские вдовы, однако довольно часто посылались и сами отставные чины разных воинских званий. Причем наблюдалось, чтобы они жили при монастырях, а не в самих обителях и несли, если были способны, всевозможные назначавшиеся им послушания¹⁰⁵.

По указам монарха и сенатским определениям ветераны, способные по состоянию здоровья к физическому труду, обязывались заниматься хозяйственными делами на многочисленных объектах обители по поручениям и заданиям монастырских властей¹⁰⁶.

Однако караульная и посыльная служба, например для «сыска к суду» обвиняемых в преступлениях, была наиболее обычным видом послушания для отставных военных и морских чинов¹⁰⁷; также они осуществляли наблюдение за благочинием в церквях и смотрели за умалишенными, содержащимися в монастырях¹⁰⁸, до устройства для них особого дома. Так, отставной солдат Кириллов сказал дознавателю на допросе: «По отставке именованным указом определен он в Троицкий монастырь на пропитание, в котором и обретался на караулах и получал с монастыря по третям (*года*. — И.Д.) жалованье»¹⁰⁹.

Другие отставные нижние чины и унтер-офицеры, происходившие из крестьянского сословия и посадских людей, служили в монастырях скотниками, конюхами, кучерами, плотниками, кузнецами, каменщиками, истопниками, рыболовами и садовниками и т. п., участвовали в разных хозяйственных и полевых работах¹¹⁰.

Некоторые отставные штаб- и обер-офицеры управляли в монастырских и архиерейских вотчинах хозяйством, что в монастырской и отставной среде не без основания считалось для ветеранов армии и флота очень «хорошим кормлением»¹¹¹.

Настоятели монастырей строго следили, чтобы присланные в монастыри отставные военные постояльцы не оставались праздными бездельниками. От монастырей консистории требовали ежемесячных сведений, несут ли отставные чины армии и флота послушания, и если да, то какие именно. В случае, если способные еще к делу ветераны уклонялись от несения службы или работы при православных монастырях, то

архимандритам предписывалось применять к ним указ Петра I о невыдаче им установленного денежного пенсионного содержания. Таким образом, право жить и получать пенсию в обители ставилось в зависимость от посильной службы монастырю¹¹².

Отставные военнослужащие армии и флота, как уже ранее отмечалось, определялись только «на убылые места» монахов и монахинь мужских и женских православных монастырей, так как царь запретил новый постриг послушников.

Указ Петра I от 8 апреля 1720 г. разрешал добровольный постриг отставных офицеров, унтер-офицеров и нижних чинов в монахи; «таких (*предписывалось Военной и Адмиралтейской коллегии*. — И.Д.) отсылать в Троицкий Александра Невского монастырь»¹¹³.

Однако вскоре выяснилось, что Троицкий Александра Невского монастырь не в состоянии принять всех отставных офицеров, унтер-офицеров и нижних чинов, совершивших постриг в монахи. Поэтому в течение 1723 г. остальные морские и военные чины, уволенные в отставку, были направлены и в другие мужские православные монастыри Российской империи для пострижения в монашество¹¹⁴.

Англичанин Ф. Дэшвуд, посетивший в 1733 г. северную столицу Российской империи, написал в своих заметках: «Примерно в двух верстах от Петербурга Петр I построил монастырь, посвятив его св. Александру Невскому. Там 25–30 монахов, хотя проект этого здания чрезвычайно величествен и красив, и оно предназначено для старых офицеров, а не для того чтобы его заполнить монахами»¹¹⁵. Для обеспечения монастырских служителей и отставных офицеров армии и флота продуктами питания, а животных подсобного хозяйства кормами и фуражом только в Копорском уезде обитель имела деревню и 3 пустоши, всего 41 крестьянский двор¹¹⁶.

Анализ архивных материалов показал, что общее количество отставных штаб- и обер-офицеров армии и флота, совершивших в монастырях постриг в монахи, было весьма незначительное (по состоянию на 1 января 1733 г. — 30 чел.)¹¹⁷.

В.Н. Татищев, начавший свою долгую военную¹¹⁸ и штатскую службу российскому государству еще при императоре Петре I и завершивший при его дочери императрице Елизавете Петровне, в своем отеческом наставлении сыну Евграфу с глубоким знанием предмета дал объективную оценку обязанностям дворянства: «Разность услуг шляхетских есть троякая: яко военная, гражданская и придворная; и хотя четвертая есть духовенство, но в оное редко шляхетство употребляется, и то разве чрез монашество; но токмо ныне наши дворяне, хотя бы кто престарелых лет был и не имеющий пропитания, монахом быть не малой склонности не имеют; сие для таких людей не похвально»¹¹⁹.

Примеры такого рода, однако, бывали. Для примера: так сделал капитан Тамбовского пехотного полка П.Б. Савелов, участник сражений русской регулярной армии в Великую Северную войну в Курляндии, в Польше под Калишем, в Литве под Головчином, штурма турецкого города Браилов на Дунае. Медицинское освидетельствование, проведенное в Медицинской канцелярии, выявило у него болезни глаз, желудочно-кишечного тракта, ипохондрию и другие тяжелые заболевания, не позволяющие

ему далее нести ни военную, ни штатскую службу. По его согласию и с разрешения Святейшего Синода он был в 1723 г. направлен в Московский Новоспасский мужской монастырь, где и пострижен в монахи¹²⁰.

Первый русский император требовал от игуменов монастырей содержать две поварни¹²¹, где отдельно готовилась бы пища для «светских» лиц (то есть отставным военнотружущим) и монахам¹²². Практически это указание не везде было выполнено. К примеру, после появления уволенных в отставку ветеранов армии и флота в Троицком Макарьево-Желтоводском монастыре Нижегородской епархии некоторые отставные нижние чины и унтер-офицеры продолжали питаться, вместо получения хлебной дачи на руки натурой, совместно с монашескую братией в трапезной.

Однако это вызывало протесты отставных чинов, вынужденных соблюдать вместе с монашескую братией более длительные посты (242 дня), чем в армии и во флоте, включавшие в совокупности 169 дней¹²³. Так, архимандрит Троицкого Макарьево-Желтоводского монастыря докладывал в Нижегородскую епархию, что полковой профос Афанасий Горской и четыре солдата питались с богомольцами в общей трапезе и в дополнение к годовому жалованью им давали вместо хлеба деньгами по 16 алтын 4 денги на человека. Они не приняли указ Петра I о прибытии в Москву на строевой смотр и в Нижний Новгород, «чинятца противны» и просят на 1724 год хлебного и денежного жалования в полной мере¹²⁴. Источник не сообщает, какие меры дисциплинарного воздействия были все-таки использованы в обители. В конце концов А. Горской и еще 13 солдат, получавших денежную компенсацию взамен хлебного жалованья, убыли-таки вовремя в Нижний Новгород. Затем все они, в составе команды отставных чинов, находившихся на пропитании в монастырях епархии, направились на смотр в Москву¹²⁵.

В православной обители все без исключения монахи во внутреннем распорядке жизни должны были руководствоваться древним аскетическим уставом Иосифа Волоцкого (1500), впрочем, достаточно разбавленным последующими смягчающими нововведениями¹²⁶, что вынуждало первоиерархов РПЦ и даже царей время от времени направлять грамоты и указы о соблюдении монастырского благочиния и устава¹²⁷.

Фактически монахи разделялись по своим привилегиям на разные группы. Меньшая братия, причем самая большая по численности, их практически не имела. Это были те, кого принимали в монастырь без вклада, одевали скромно, лишали права иметь личное имущество. Так, через 25 лет после окончания учебы в «братском училищном монастыре», находившемся вблизи Киева, видный деятель РПЦ архиепископ Феофан Прокопович писал, что там «...такая была во всем нищета, что и вспоминать печально; и я бы ныне не верил, если тогда сам не видел; житницы и погреба пусты, никакой из дни на день провизии, никакого припаса не бывало; на всяк день пищу, и ту скудную и подлую, на рынке покупали... А какая такой бедности могла быть причина, одно только незнание экономии, и не одно только незнание, но и к тому противные и разорительные поступки начальных (*игумен, келарь, казначей*. — И.Д.): нерадение, леность, дремание, гнусность, да еще при пособии шумных днеошных забав, а подначальных [монахов, учеников

коллегиума] иных — непросыпленное пьянство, а других — прилежные кражи...»¹²⁸.

Средняя категория монахов получала право на добротную одежду, ежедневно носила не лапти, а сапоги, ей регулярно выдавалось месячное денежное жалованье.

Меньшая и средняя братия, как правило, питались растительной и молочной пищей в монастырской столовой. Монастырская столовая имела обширный обеденный зал («трапезную»)¹²⁹, за столы которого одновременно в иных обителях могли садиться до 500 человек.

В течение веков в монастырях сложилась особая культура общественного питания, соответствующая аскетическому идеалу монашествующих братьев. Основой ее была идея подчинения плоти духу, идея духовного преображения всей греховной жизни человека. К примеру, в Валаамском монастыре был введен в действие «общежительный» устав Саровской пустыни, основанной иеромонахом Исаакием в 1705 г. В 1711 г. с высочайшего разрешения устав был утвержден митрополитом Рязанским Стефаном Яворским, местоблюстителем патриаршего престола. Он был составлен на основании древних уставов иноческой жизни и предусматривал прежде всего строгое общежитие монахов с жесткой, беспрекословной дисциплиной, общую трапезу и общий труд¹³⁰.

В понедельник, среду и пятницу и во время постов пищу в монастырях готовили на постном масле, а в остальные дни на скоромном масле. Полностью исключалось потребление мяса. Обед начинался в полдень, ужин в 8 часов вечера. Во время трапезы запрещались праздные разговоры, монахам читались только душеполезные поучения.

Как правило, за обедом и ужином в зависимости от сезона подавалось не менее четырех блюд: ботвинья из огородных овощей, а в постные дни капуста с огурцами, щи со сметками или соленой рыбой, похлебка, гречневая каша. Перед каждым обедающим на столах находились большие ломти хлеба и чаши с монастырским квасом.

Монахам средней категории по решению архимандрита отпускалось пиво и полпиво (брага). Им в кельи перед досугом и ночным отдыхом подавались чай, мед и молоко, полученное от монастырских коров, и некоторые другие съестные продукты¹³¹.

В монастырских лазаретах заболевших отставных нижних чинов Сенатом предписывалось довольствоваться по лечебному пайку (10,5 фунтов хлеба, 2,5 фунта крупы овсяной, 2 фунта крупы ячневой, 5 фунтов свежего мяса, 0,5 фунта коровьего масла, 7 чарок хлебного вина, 7 кружек пива, 35 золотников поваренной соли¹³²), а питание организовывать «по примеру Морского Регламента»¹³³. Посуда использовалась монастырская¹³⁴. Однако это указание монастырскими властями практически не исполнялось, и больные традиционно питались с монашествующими за общей трапезой¹³⁵.

Во всех православных обителях, наряду с постными продуктами, основной пищей меньшей монашествующей братии был доброкачественный монастырский хлеб, который выпекался монахами-хлебопеками¹³⁶ из чистой ржаной муки в собственной хлебопечарне. Во время постов эта категория монахов питалась главным образом свежими и солеными овощами, полученными с монастырского огорода, грибами, фруктами и ягодами, которые ежегодно заготавливались в окрестных лесах в большом количестве¹³⁷. Однако сугубо прагматичный и с раннего детства не любивший монахов¹³⁸

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Петр I считал, что даже от такой постной пищи «наши монахи зажирили. Врата к Небеси — вера, пост, молитва. Я очищу к раю путь им хлебом и водою, а не стерлядями и вином»¹³⁹.

31 мая 1722 г. в дополнении к Духовному Регламенту монарх особо подчеркнул, что духовный «чин, наипаче монашеский, который в древние времена был всему христианству яко зеркало и образ покаяния и исправления, во времена сия во многая безчиния развратися»¹⁴⁰. Поэтому в Духовный Регламент, вероятно не без влияния самодержца, Феофаном Прокоповичем была введена отдельная глава под названием «О житии монахов»¹⁴¹. Другой отзыв монарха о нравственном состоянии современного ему монашества был еще жестче первого высказывания и полон едкого сарказма: «Нынешнее житие монахов точию вид есть и понос (*позор*. — Ред.), от иных законов не мало же и зла происходит, понеже большая часть тунеядцы суть, и понеже корень всему злу праздность, то сколько забобонов, расколов, но и возмутителей [общественного порядка] всем ведомо есть»¹⁴².

Петр I был полностью прав. Если младшая братия много трудилась, мало спала и ела — средняя и особенно высшая много молилась и чрезмерно чревоугодничала¹⁴³.

Владея всеми мирскими благами, монастыри стремились устраивать свою повседневную жизнь по-барски и сделать ее еще более беззаботной и очень комфортной. Поэтому особенно Петр I был строг и непреклонен в суровых и жестких требованиях к духовным властям, запрещая в своих указах им изысканно и расточительно питаться, богато одеваться, содержать в личной службе лишних дворовых людей и служек, увеличивать без хозяйственной необходимости и надобностей домовые постройки¹⁴⁴.

Каждый монастырь традиционно поселял под своими стенами «подмонастырскую слободу», чтобы иметь всегда под руками готовую для монастыря послушную и безропотную трудовую силу. У некоторых крупных православных обителей таких слобод рядом находилось несколько¹⁴⁵. В данных слободах проживали монастырские «служебники»¹⁴⁶ и «слуги» различных профессий и рабочих специальностей: повара, кучера, конюхи, кузнецы, столяры, плотники, каменщики, портомои, дворники, воловики, неводчики (рыболовы), подьячие, стряпчие, канцеляристы и др. Все работники перечисленных должностей и специальностей состояли в монастырском штате на жаловании. Кроме того, они подразделялись на квалификационные звания и высшие и нижние ранги¹⁴⁷.

Кроме получения различных материальных средств с определенных вотчин¹⁴⁸, монастырская корпорация с поразительной ловкостью и весьма успешно собирала доходы с православных крепостных, бессовестно эксплуатируя их веру и любовь к Спасителю нашему Иисусу Христу, к святыням монастырской церкви, что позволяло им вести, как уже отмечалось, праздную жизнь. Монастырская братия, как правило, презирала физический труд, в частной жизни стремилась к стяжанию и сребролюбию и старалась внести в свою келейную жизнь удобства, спокойствие и удовольствия. Повсеместно начальствующие лица православного монастыря (игумен, келарь, казначей) занимали хорошие и просторные помещения из нескольких покоев, держали прислуж-

ников и монахов из меньшей братии, а также и наемных поваров, которые готовили им изысканные кушанья и напитки отдельно от кухни и блюд, потребляемых прочей монастырской братией.

Другие монахи также устраивали келейную жизнь со всяческими удобствами и довольствием. Все они были очень далеки от мысли об аскетизме и о строгом исполнении правил монашеского бытия. К ежедневно подаваемому к столу хлебному квасу и браге в скоромные дни в их рацион традиционно добавлялось, как уже отмечалось, пиво, а в воскресенье, «Господни праздники» и «поминальные дни» каждый член монашеской братии имел бесспорное право на получение объемистой «красовули»¹⁴⁹ горячего вина¹⁵⁰.

Пример в этой праздной жизни, где единственным трудом монахов были только молитвы, подавали и некоторые высшие иерархи РПЦ, жившие вызывающе роскошным образом¹⁵¹. Так, у вице-президента Святейшего Синода Феофана Прокоповича в личной собственности находилось 16000 архиерейских и монастырских крестьян. Он получал громадные денежные доходы со своих и архиерейских имений, имел четыре дома в Москве и Санкт-Петербурге, мызу около Стрельны, содержал большую свиту, делал богатые приемы и окружил себя роскошной обстановкой русских вельмож XVIII в.¹⁵² Не отставали в стремлении к роскоши и в некоторых епархиях¹⁵³.

Так, в приходно-расходной ведомости нижегородского Архиерейского казенного приказа за 1724 г. содержатся записи о большой закупке партии соленой, свежей и живой рыбы, икры и снеток, пшена «сорочинского» (риса), калачей, ситных саек, баранок, лимонов, вин «красных», вина рейнского и французского и других деликатесных пищевых продуктов¹⁵⁴.

Современный исследователь А.В. Морохин на основе выявленных им архивных документов представил в своей монографии «запас» продуктов, присланный из Нижнего Новгорода с рассыльщиком летом 1728 г. архиепископу Нижегородскому и Алатырскому Питириму. Владыка находился тогда в Санкт-Петербурге, лично принял продукты, которые пересчитал и взвесил, и обнаружил большую недостачу, о чем в раздражительно-гневном тоне известил письмом консисторию. Среди недовешенных и недовезенных продуктов числятся несколько бочек дорогого вина, 16 крупных белуг, солод, паюсная икра и др. Перечень продуктов позволяет сделать вывод о высококачественном питании нижегородского архиерея. И это тогда, как установил А.В. Морохин, когда Нижегородская епископия по-прежнему в Святейшем Синоде числилась «малой и скудной»¹⁵⁵.

Достигалось «довольное содержание» архиереев, монашествующих, служащих и отставных военных выплатой налогов и несением многочисленных повинностей и пр., беспощадной эксплуатацией крестьян вотчин, находившихся в собственности РПЦ.

Так, в 1706 г. самодержец получил весьма знаменательный доклад начальника Монастырского приказа И.А. Мусина-Пушкина, в котором с тревогой сообщалось, что «многие монастырские крестьяне разбежались, а иные вымерли и дворы их ныне пусты, а всякие денежные и хлебные сборы (*приказчики и управляющие*. — И.Д.) правят за

беглых и умерших и за пустые дворы на оставшихся крестьян, и в том есть немалая тягость...». Монарх повелел И.А. Мусину-Пушкину, «чтобы за пустые дворы на оставшихся (*тягловых крестьянских дворах*. — И.Д.) никаких сборов не править»¹⁵⁶.

Перепись, проведенная в 1710 г. показала колоссальную убыль податного населения страны в 19,5 % дворов, в сравнении с переписью 1678 г. Так, по переписи 1678 г. числилось в Московском государстве 791018 дворов, в 1710 г. только 637005¹⁵⁷.

Вероятно, Петр I полагал, что «если идущий в монахи должен оставить в мире все то, что имеет своего, то странно было, если он потом стал принимать чужое. Единственное средство содержания истинного монаха — труды его собственных рук»¹⁵⁸.

Чтобы монастыри «не поядали чуждые труды», монарх постоянно стремился приобщить монахов к какому-нибудь роду общественного служения и полезному труду. Он вполне допускал, что часть глубоко верующих людей действительно склонна к религиозному уединению в скитах, пустынях и будет обеспечивать свои материальные потребности физическим трудом. Другие, наиболее способные монахи через духовные учебные заведения должны были подготавливаться для замещения архиерейских и иных высоких руководящих церковных должностей. Для этого предполагалось устроить при монастырях ученые братства и школы. Неученых монахов планировалось вначале обучать русской грамоте и ремеслу, а затем привлекать к столярным, токарным, иконописным и другим работам, а монахинь в обителях заставлять прясть, вышивать, плести кружева¹⁵⁹.

Так, в 1724 г. в Святейший Синод обратилась с челобитной солдатская дочь девка Анастасия Иванова, где просила определить ее для пропитания в Суздальский Покровский женский монастырь. Она писала в челобитной, что в 1722 г. была послана в названный монастырь для обучения монахинь «галанской пряжи», где обучила 63 монахини. В 1724 г. обучение окончилось, теперь она скитается «меж двор и помирает голодною смертию». 9 июня 1725 г. Святейший Синод определил «оную девку за сущее ея сиротство, и за прежнее обучение, и за службу отца ея», убитого под Нарвою, определить в назначенный монастырь, с тем чтобы она продолжала в нем прежнее обучение монахинь ремеслу¹⁶⁰.

В целом же Петр I хотел окончательно превратить монастыри в госпитали для содержания военных инвалидов, раненых и больных. Кроме того, им было принято принципиальное решение сократить число православных обителей путем соединения малобратственных монастырей между собою и обращения пустых в приходские церкви.

Острое желание монарха возложить призрение отставных чинов армии и флота на монастыри привело к тому, что Военная коллегия стала отправлять на убылые места ветеранов, нисколько не справляясь в Святейшем Правительствующем Синоде о том, а имеются ли на самом деле эти убылые монашеские порции в данных монастырях.

Российское правительство, не обладая точными учетными данными, без счета посылало в монастыри якобы на убылые монашеские порции не только инвалидов армии и флота, но и нищих и даже раскольников¹⁶¹, сумасшедших¹⁶², колодников¹⁶³ и другие контингенты, содержание которых являлось тяжким бременем для хозяйства обителей¹⁶⁴.

К примеру, Новгородская духовная консистория 20 сентября 1725 г. докладывала в Коллегию экономии, что в Новгородский архиерейский дом и подчиненные ему епархиальные монастыри «прямо от себя», минуя все вышестоящие духовные инстанции и без проведенного строевого смотра в Правительствующем Сенате, из Канцелярии расположения полков Санкт-Петербургской губернии прибыло 28 отставных унтер-офицеров и солдат, определенных на пропитание на убылые монашеские порции.

Всего же в Новгородский архиерейский дом и новгородские городские и епархиальные монастыри «на корм» с 1713 по октябрь 1722 г. было прислано 230 отставных штаб- и обер-офицеров, урядников и солдат, а с 1722 по 1725 г. — 41 чел. Присланные же в обход Святейшего Синода 28 отставных чинов без всякой разверстки с прочими епархиями Новгородская консистория без указа Духовной коллегии не приняла. И эти 28 отставных унтер-офицеров и солдат, направленных без строевого смотра в Сенатской канцелярии и Герольдмейстерской конторе в новгородские мужские монастыри, ныне «волочатся меж дворов и помирают голодною смертию»¹⁶⁵.

Это происходило несмотря на то, что с 23 января 1723 г. Синод начал фиксировать наличное число монахов¹⁶⁶ путем регистрации в монастырских ведомостях¹⁶⁷. Через некоторое время он затребовал ведомости и о количестве хлеба¹⁶⁸.

28 февраля 1723 г. Сенат по поручению самодержца предписал также срочно составлять ведомости как в епархиальных, так и монастырях Синодальной области. Для лучшего обеспечения отставных военных чинов помещениями и содержания в монастырях указом от 28 января 1723 г. повелевалось: «Во всех монастырях учинить ведомость в самой скорости, колико ныне в мужских монахов, а в женских монахинь обретается...». При этом Синоду вновь предписывалось впредь никого не постригать, а сколько из обретавшегося тогда числа оных монахов и монахинь будет убывать, о том в Синод рапортовать ежемесячно, и на убылые места определять отставных солдат¹⁶⁹.

Однако из-за саботажа монастырских властей, неисполнительности, хотя ведомости предписывалось учинить «в самой скорости», тщательных и подробных ведомостей о наличии монашествующих в полном объеме сделано не было, и поэтому вопрос о существовании убылых мест в том или ином монастыре был неясным и даже спорным. За исключением 58 обитателей, как Синод отвечал Сенату, в подавляющем большинстве монастырей штатное число монахов не было установлено.

П.В. Верховской привел архивные делопроизводственные материалы, подтверждающие, что штатная и наличная численность из-за массовой невысылки монастырями ведомостей содержащихся в них монахов осталась неизвестной¹⁷⁰. Неизвестность же и спорность численности вакансий вносили в дело призрения отставных военных и морских чинов беспорядки, тягостные для материального положения монастырей, в которые Военная и Адмиралтейская коллегии по-прежнему посылали отставных ветеранов армии и флота без счету.

Специально исследовавший данный вопрос А.С. Лебедев установил, что строгого порядка в соблюдении равномерности размещения отставных военных по православным монастырям не было. Это происходило главным образом оттого, что госу-

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

дарственные учреждения, рассылавшие уволенных военных от службы по монастырям (Монастырский приказ, Канцелярия Генеральной ревизии, Военная коллегия, Герольдмейстерская контора, Хозяйственная контора при Синоде, сам Синод и Сенат), не всегда имели точные сведения о численности вакансий в тех или иных монастырях.

Главная причина заключалась в неисполнительности монастырских властей, несмотря на неоднократные напоминания Синода и Сената. Монастыри «...были весьма неисправны в доставлении таких сведений... а распределение военных по монастырям очень часто соображалось единственно с указаниями самих военных, а военные обыкновенно хотели пристроиться в монастыри на родине или, по крайней мере, близко к родине и в случае, если в таких монастырях вакансий не оказывалось, соглашались лучше ждать, чем отправляться куда-нибудь на чужбину»¹⁷¹.

Отсутствие планирования по отправлению отставных чинов приводило к тому, что вотчинные крестьяне должны были своими тяжкими трудами покрывать чрезмерные денежные расходы. Ведь наличествующие в обители монахи категорически не соглашались делить свой стол и доходы с чуждыми им по образу жизни пришельцами, вызывавшими у них нескрываемое раздражение и зависть из-за размеров пенсий, причем не только у офицерского состава, что было закономерно, но даже у унтер-офицеров и рядовых¹⁷².

Поэтому Синод постоянно посылал в Сенат донесения, в которых доказывал, что отставным штаб- и обер-офицерам назначены большие оклады пенсионного содержания, вследствие чего монахи бедствуют, а обителям грозит обеднение или полное разорение.

Одна из главных причин противостояния была в том, что указ Петра I от 12 апреля 1722 г. остался малоизвестным как монастырским властям, так и самим отставным чинам армии и флота, в том числе и офицерскому составу. Поэтому некоторые отставные чины в обителях предъявляли незаконные требования по выплате им повышенных пенсий.

Автором статьи в РГАДА, в фонде Сената, выявлена челобитная отставного поручика Алексея Петровича Скоблихина к Петру I, датированная июлем 1723 г., с нижайшей просьбой назначить ему пропитание от Троице-Сергиева монастыря. А.П. Скоблихин писал: «Служил я в Владимирском пехотном полку солдатом, и унтер-офицером, и обер-офицером с прошлого 1700 году по нынешний 1723 год...». Далее он сообщал, что был призван в армию из даточных людей одной из вотчин Троице-Сергиева монастыря. В мае 1723 г. А.П. Скоблихин после медицинского освидетельствования и строевого смотра в Военной коллегии «...за старостию и дряхлостью от полевой и гарнизонной службы отставлен вовсе и определен к помянутому Троице-Сергиеву монастырю по-прежнему». Отставной поручик просил монарха назначить ему, «как другим офицерам в монастырях, жалованье»¹⁷³. А.П. Скоблихин был вызван в Герольдмейстерскую контору Сената, откуда в Святейший Синод было направлено ведение с просьбой определить его в Троице-Сергиев монастырь. В Канцелярии Синода он повторил сведения, изложенные в челобитной, и перечень болезней (животная скорбь, правым ухом глух, глазами мало видит и беспамятен), на ос-

новании которых он был представлен доктором А.Ф. Севасто к увольнению в полную отставку от военной и штатской службы. Однако он желал убыть в Троице-Сергиев монастырь, заявляя повсюду, что только там сможет отправлять службу. По прибытии в монастырь он отказался, как отставной поручик, от получения порционных и с согласия архимандрита определился в «конные слуги», кем, вероятно, и был до призыва в армию, и стал получать жалованье только по этой должности¹⁷⁴.

В свою очередь монастыри запрашивали консистории епархий об изменениях в организации пенсионного обеспечения отставных военных чинов, содержащихся в обителях, и систематически в указанные сроки докладывали о результатах выполнения указов монарха и сенатских приговоров. Так, в начале 1723 г. архимандрит Спасского Преображенского монастыря города Арзамаса Нижегородской губернии Лаврентий сообщал: «а на каком коште оные (*отставные*. — И.Д.) офицеры и солдаты содержатся, в прошлом 1722 году послана в Казенный приказ ведомость, показано поименно»¹⁷⁵.

Вместе с тем и Военная и Адмиралтейская коллегии не исполняли со своей стороны распоряжение Сената, требовавшее отсылать в монастыри после увольнения в отставку от службы только необеспеченных ветеранов, не имевших крова и собственного пропитания. Однако среди присланных отставных чинов довольно высока была доля материально обеспеченных людей, не желавших поселиться в кельи монастырей и нести послушание¹⁷⁶.

Святейший Синод постановил объявить указ монарха от 12 апреля 1722 г. 20 августа. Этим указом вновь подтверждался другой указ царя от 29 мая 1720 г., что денежную компенсацию за рационы следовало выплачивать только тем отставным чинам, которые будут жить при монастырях, «а кои в домах своих будут жить, тем не давать»¹⁷⁷.

Если же обеспечивать присылавшихся в монастыри уволенных от службы оказывалось из-за незначительных доходов обители невозможным, то высочайшие резолюции, наложенные на доклад генерал-майора Г.П. Чернышева от 19 января 1723 г., требовали от Синода и архимандритов монастырей осмотнительно уравнивать денежные доходы отставных чинов и монахов¹⁷⁸.

Самодержец 8 марта 1723 г. опять предписал высшим иерархам РПЦ: «У наличных монахов денег и хлеба убавить, уравнивая как монахам, так и отставным (*нижним чинам*. — И.Д.), (*чтобы*. — И.Д.) денежное и хлебное жалованье в даче было равное»¹⁷⁹.

В реальной жизни подобная «уравниловка» приводила к уменьшению размеров хлебного жалованья монаха (5 четвертей ржаной муки)¹⁸⁰ до хлебной дачи отставного холостого рядового (3 четверти муки, 1,5 четверика круп на год)¹⁸¹, что способствовало развитию острых конфликтов, начиная от продолжительных ссор вплоть до приращения рукоприкладства.

Сверх того, монашескую братию обязывали ухаживать за больными и немощными отставными чинами, исходя из следующего расчета, установленного Сенатом и Синодом в 1724 г.¹⁸² Так, для ухода за двумя самыми увечными и больными ветеранами выделялся один монах, а к трем увечным и больным средней тяжести назначался также один, а для увечных и больных, «которые тех свободнее», в соотношении 4:1¹⁸³.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Призрение отставных немощных военных ложилось на черное духовенство тяжким бременем¹⁸⁴, и, естественно, мужские монастыри старались любыми способами избавиться от постоянно проживающих в кельях больных ветеранов армии и флота.

А.С. Лебедев, основываясь на многочисленных архивных источниках, писал, что совсем «не жаловали монахи воинов увечных и дряхлых, но не особенно любы для них были и здоровые...»¹⁸⁵.

Действительно, вряд ли жаловали больничные монахи Муромского Борисоглебского мужского монастыря отставного солдата Нижегородского пехотного полка Василия Терентьева, который, «по свидетельству доктора Севасто, оказался (*инвалидом*. — И.Д.) с переломленной спиной...». Или: полностью по состоянию здоровья не пригоден был к тяжелому физическому труду хромой отставной солдат Трофим Бархатов, призванный в армию рекрутом из дворцовых волостей Белозерского уезда. Он начал службу, по его словам, приблизительно с 14 лет и был уволен по случаю перелома ноги на строительных работах в Петергофе. Затем он был направлен на пропитание в Кирилло-Белозерский мужской монастырь на убылую монашескую порцию¹⁸⁶. Вызывает сомнение, что монахи были рады нахлебнику, не приносящему пользы монастырю.

Итак, вышеприведенные материалы свидетельствуют, что Петр I по-отечески заботливо относился к отставным военным чинам, не годным по состоянию здоровья, увечью, старческой дряхлости или преклонной старости ни к военной, ни к штатской службе, если они не имели собственного жилья и пропитания. Монарх большинству из них назначал достойную военную пенсию, которая выплачивалась из доходов Монастырского приказа (с 1725 г. из доходов Коллегии экономии).

К примеру, годовое жалование направленного «на пропитание» в монастырь полковника, служившего в пехотном полку полевой армии до увольнения от службы в полную отставку по состоянию здоровья, равнялось 600 руб. В обители же общая сумма, которую полагалось ему выплачивать в монастыре, складывалась из денежной компенсации взамен натурального отпуска порционных по Регламенту 1720 г. и должностного оклада полковника Московского гарнизона, рассчитанного по Табели 1712 г., и составляла почти 900 руб. в год (*табл. 1*).

Также пенсии, выплачиваемые в монастырях и другим отставным штаб- и обер-офицерам, при правлении Петра I были несколько выше, чем за период их действительной военной службы в пехотных и кавалерийских полках русской регулярной армии (*табл. 1*).

И пока был жив Петр Великий, мужские и женские православные монастыри беспрекословно несли возложенную на них повинность по призрению больных и увечных ветеранов армии и флота, а в случае их смерти женские монастыри — и бездетных вдов. Все попытки Синода отказаться от приема в обители и богадельни отставных военнослужащих, направленных Военной и Адмиралтейской коллегиями, под всякими благовидными предлогами (из-за их многочисленности или отсутствия либо незначительности материальных средств) решительно и жестко пресекались Сенатом и самим монархом.

Глазами и ушами самодержца в духовном ведомстве являлся обер-прокурор Свя-

I. ARTICLES

Наименование военных чинов	Количество порционов по Регламенту	Всего, взамен натурального отпуска порционов, деньгами		Должностные оклады военных чинов Московского гарнизона по Табели 1712 года		Размеры пенсионных окладов, введенные Петром Великим		Размеры пенсионных окладов, введенные Анной Иоанновной	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Полковник	50	742	73 ¹ / ₄	150		892	73 ¹ / ₄	100	
Подполковник	23	371	36 ¹ / ₂	75		446	36 ¹ / ₂	50	
Майор	19	282	24	70		352	24	49	66 ² / ₃
Капитан	15	222	73	50		272	73	33	33 ¹ / ₃
Поручик	9	134	24	40		174	24	26	66 ¹ / ₃
Подпоручик	7	104	44 ¹ / ₂	25		129	44 ¹ / ₂	16	66 ¹ / ₃
Прапорщик	5	74	54 ¹ / ₄	25		99	54 ¹ / ₄	16	66 ¹ / ₃
Унтер-офицер	1	14	89 ¹ / ₂	6	84	21	73 ¹ / ₂	5	49
Рядовой	1	14	89 ¹ / ₂	5	49	20	38 ¹ / ₂	3	66

Таблица 1. Размеры пенсионных окладов находившихся на довольствии в монастырях отставных штаб-, обер- и унтер-офицеров и рядовых полков полевой армии, установленные Петром Великим и Анной Иоанновной

тейшего Правительствующего Синода полковник И.В. Болтин. Ему за старательное выполнение обязанностей дополнительно к офицерскому жалованью из Синодального Дворцового приказа выдавали еще по 8 рационов фуража в месяц и 14 сажень дров на год¹⁸⁷. Кроме того, офицеры и унтер-офицеры лейб-гвардии Преображенского и Семеновского пехотных полков инспектировали по повелению монарха монастыри¹⁸⁸.

В послепетровский период еще в течение 40 лет Русская православная церковь активно участвовала в социальном призрении отставных военнослужащих. Монастыри и богадельни по-прежнему продолжали служить последним приютом для увечных, больных и престарелых нижних чинов, унтер-офицеров, беспоместных и бескрестьянных, и не имеющих близких родственников отставных офицеров армии и флота Российской империи.

31 января 1731 г. был издан приговор Сената, который существенно сократил размеры окладов жалованья «определяемым для пропитания» в монастыри отставным офицерам, урядникам и рядовым. Им начали выплачивать пенсии в размере ²/₃ денежного жалованья от должностных годовых окладов военнослужащих Московского гарнизона.

Императрица Анна Иоанновна, которой была представлена сравнительная Табель прежних и новых должностных окладов пенсионного жалованья отставных чинов, утвердила приговор Сената, написав на нем высочайшую резолюцию: «Быть по

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

сему»¹⁸⁹. Как бы злой насмешкой и утонченным издевательством над защитниками Родины, проведенными на военной службе лучшие годы своей жизни, потерявшими здоровье, достигнувшими старческой дряхлости и преклонных лет, иногда получившими многочисленные увечья, звучали слова указа Анны Иоанновны от 31 декабря 1731 г., что отставные штаб- и обер-офицеры назначенным новым пенсионным жалованьем «могут быть довольны» (табл. 1).

Как можно было быть довольным, когда размеры пенсии у полковника и подполковника сократились почти в 9 раз, у майора в 7, капитана и подпоручика в 8, поручика в 7,5, прапорщика в 6, унтер-офицера в 4, рядового почти в 6 раз по сравнению с тем, как это было при Петре Великом!¹⁹⁰

Однако вопросы пенсионного обеспечения отставных чинов армии и флота при преемниках Петра I выходят за пределы задач, поставленных нами в настоящей статье.

¹ РГАДА. Ф. 248. Сенат и его учреждения. Оп. 13. Кн. 688. Л. 34 об.

² Горчаков М.И. Монастырский приказ (1649–1725 г.): Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. С. 21.

³ Шумаков С.А. Материалы для истории Нижегородского края. Вып. I. Обзор арзамасских (1561–1761 гг.) и балахнинских (1538–1755 гг.) актов. Н. Новгород, 1898. С. 11, 358–365.

⁴ Будко А.А., Шабунин А.В. История медицины Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 12–13.

⁵ Акты исторические... Т. V. 1676–1700. СПб., 1842. № 58. С. 86–87. 1 алтын = 3 копейки. Четверть – мера сыпучих тел. 1 четверть = 2 осминам = 8 четверикам. В XVII в. при сборе с податного населения провиантских налогов употреблялось приемная четверть (московская таможенная мера) с «верхи» и под «гребло». При выплате хлебного жалованья служилым людям применялась значительно меньшая по объему, «отдаточная» четверть (Благовецкий Н.А. Четвертное право. М., 1899. С. 110). Соотношение приемной четверти с «верхи», приемной четверти под «гребло» и «отдаточной» четверти — 7:6:4, объем соответственно 245, 210, 140 л; ржаной муки вышеуказанные четверти вмещали 8,57; 7,35; 4,9 пуда. 23 августа 1713 г. Сенат, основываясь на результатах опытов, проведенных в Московской губернии, приговорил принимать по всей стране вес муки (нетто) в четверти 7 пудов 10 фунтов, крупы — 8 пудов. Вес рогожного куля определили в 10 фунтов (РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 26. Л. 422–423).

⁶ Лебедев А.С. Отставные военные на монашеских порциях в монастырях. М., 1881. С. 2.

⁷ Ключевский В.О. Исторические портреты. М.,

1990. С. 85.

⁸ ПБИБВ. Т. 5. СПб., 1907. С. 111.

⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII века. М., 1954. С. 381–393; Смирнов Д.Н. Нижегородская старина. Н. Новгород, 1995. С. 187–188; Попов Н.А. В.Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М., 1861. С. 13.

¹⁰ Об учреждении Монастырского приказа, и о ведении оному патриарших и архиерейских домов и монастырей, и о передаче в оной из Приказа Большого дворца монастырских дел // ПСЗ. Т. IV. СПб., 1830. № 1829. С. 133.

¹¹ Горчаков М.И. Монастырский приказ... С. 122–123, 130–130 (прим. 4), 133, 134; Шимко И.И. Патриарший Казенный приказ. Его внешняя история, устройство и деятельность. М., 1894. С. 18–20, 23–26, 44–46, 57–62; Кантерев Н.Ф. Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874. С. 90–95.

¹² Об описи патриаршаго дома патриарших приказных служителей и дворян, домов архиерейских, монастырей и вотчин патриарших, архиерейских и монастырских, о переходе монахам и монахиням из одного монастыря в другой; о недержании бельцов в монастырях и о не позволении монахам писать по кельям // ПСЗ. Т. IV. № 1834. С. 139; Об определении в домовья Святейшаго Патриарха богадельни нищих, больных и престарелых, о выдаче живущих белиц замуж по их желанию и непострижение их моложе 40 лет // ПСЗ. Т. IV. № 1856. С. 168; ОДДСПС. Т. IV. СПб., 1880. Стб. LXXVII–CXVII; Горчаков М.И. Монастырский приказ... С. 135–138, 146. Прил. С. 1–3.

- ¹³ ЦАНО. Ф. 570. Нижегородский духовный приказ. Оп. 552. 1719 г. Д. 14. Л. 1–1 об.; Д. 113 а. Л. 1–2; Оп. 552. 1725 г. Д. 140. Л. 1–3 об. (Приходно-расходная ведомость Нижегородского архиерейского казенного приказа за 1725 г.); Оп. 552. 1726 г. Д. 200. Л. 1–4 (Приходно-расходная ведомость Нижегородского архиерейского казенного приказа за 1724 г.); Оп. 552. 1725 г. Д. 141. Л. 1–6 (Приходно-расходная книга хлебных припасов вотчин архиерейского дома); Оп. 604. Д. 5. Л. 8, 86, 129; Д. 10. Л. 1–4; Ф. 579. Нижегородский Вознесенский Печерский мужской монастырь. 1752–1905 гг. Оп. 589 а. Д. 1. Л. 113–113 об.; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Походная канцелярия князя А.Д. Меншикова. Оп. 1. Д. 3581. Л. 1–12 об. (Ведомость Ингерманландской губернии в городах: в Твери, Торжке, Кашине, — и Тверского архиерея монастырских всяких чинов, что в даче годового жалования в 708 году за справою Андреяна Тютчева); ПСПР. Т. IV. СПб., 1876. № 1167. С. 59 (О составлении ведомостей о числе братии и служителей в монастырях: Хутынском, Антоньевском, Вязицком и Деревяницком, и о состоящих за сими монастырями вотчинами и получаемых ими доходах, а также о количестве, даваемых ими на содержания братия и поддержание монастырей, доходов); *Покровский И.М.* Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времен Петра I до учреждения духовных штатов в 1764 г. Казань, 1907. Прил. С. 64–65; *Верховской П.В.* 1) Вопрос о церковных имениях в двадцатых годах восемнадцатого столетия. СПб., 1907; 2) Вопрос о церковных имениях в царствование Анны Иоанновны (1730–1740). СПб., 1908; 3) Населенные недвижимые имения Святейшего Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. СПб., 1909.
- ¹⁴ ОААНЛ. Т. I. 1713–1716 годы. СПб., 1903. Стб. 5–6, 116, 707, 715–716; Т. II. 1717–1719 годы. СПб., 1911. Стб. 351–353, 922–930; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 553. 1745 г. Д. 29. Л. 4–5, 11 об.–13 об.
- ¹⁵ Убавление Петром I окладного денежного жалования наполовину было слишком чувствительно для всех архиерейских домов (*Покровский И.М.* Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времен Петра I до учреждения духовных штатов в 1764 г. Казань, 1907. С. 125–127).
- ¹⁶ *Нартов А.А.* Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / Подгот. текста рук. и прил., вступ. ст. *П.А. Кротова.* СПб., 2001. С. 83.
- ¹⁷ В 1741 г. «заопределенные» вотчины были возвращены в управление самих монастырей (О бытии архиерейских домов и монастырей вотчинам по-прежнему в ведомствах оных властей и о взносе доходов с тех вотчин в Коллегию экономии // ПСЗ. Т. XI. № 8406. С. 446–449). Процесс передачи «заопределенных» вотчин затянулся на несколько лет. Так, 15 ноября 1748 г. была пожалована Грамота Серпуховскому Высоцкому монастырю на вотчины (Грамота Серпуховскому Высоцкому монастырю на вотчины // ПСЗ. Т. XII. № 9549. С. 919–930). Или: 1 декабря 1749 г. по указу императрицы Елизаветы Петровны была предоставлена Жалованная грамота, данная Владимирской губернии Гороховского уезда Успенскому монастырю на владение, состоящими около онаго пашенными или непашенными землями, санными покосами, рыбными ловлями и мельницами (ПСЗ. Т. XIII. № 9687. С. 154–158).
- ¹⁸ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1725 г. Д. 140. Л. 1–3 об.; Д. 141. Л. 5–6; Оп. 552. 1726 г. Л. 1–4; Ф. 579. Оп. 604. 1752 г. Д. 5. Л. 8, 86–87, 129.
- ¹⁹ Монастыри накопили богатый опыт по обеспечению продовольствием военнслужащих русской армии, с 1695 г. и флота, в том числе и даточных людей, с 1705 г. рекрутов, а их еще и деньгами и вещевым имуществом, собранными как с жителей монастырских сел (слобод), так и непосредственно из доходов самой обители (Акты Московского государства. Т. II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659. СПб., 1894. № 689. С. 421; Акты Археографической экспедиции. Т. III. 1613–1645. СПб., 1836. № 212. С. 310; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1719 г. Д. 14. Л. 1–1 об.; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3581. Л. 9 об.–10). Автором статьи выявлена развозная роспись хлеба, выпеченных в хлебопекарне Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря, постоянно отпускаемых команде пушкарей и солдат (всего 28 чел.), «которые в приказной палате в приставстве ходят», относящаяся к началу XVIII в. (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 823. Л. 1).
- ²⁰ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1720 г. Д. 10. Л. 1–6; Оп. 552. 1722 г. Д. 53. Л. 1–5, 7 об.–8, 13–17; Оп. 552. 1726 г. Д. 126. Л. 1; Оп. 552. 1741 г. Д. 16. Л. 1–3; Ф. 579. Оп. 604. 1752 г. Д. 5. Л. 44, 47–49, 83–83 об.; Оп. 604. 1760 г. Д. 8. Л. 269–273 об., 299–300, 349–351 об. и др.
- ²¹ ОДДСПС. Т. III. 1723 г. СПб., 1878. Прил. Стб. CLXXI, CLXXXVI, CXС, CXСIV; Т. IV. 1724 г. Стб. 30–31, 121–122; ПСПР. Т. II. 1722 г.

- СПб., 1872. № 539. С. 186–188; № 551. С. 196–197; № 755. С. 447; № 782. С. 472; № 898. С. 588–589; Т. III. 1723 г. СПб., 1875. № 1118. С. 200–202; Т. V. 1725–1727 г. СПб., 1881. № 1782. С. 360–361; Т. VI. 1727–1730 г. СПб., 1889. № 2174. С. 245–246; № 2189. С. 264–266; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1721 г. Д. 1. Л. 5–5 об., 9–10, 13–14 об., 16–16 об.; Д. 15. Л. 1–2.
- ²² Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 4. М., 1884. С. 49; ОДДСПС. Т. III. 1723 г. Стб. 23, 420–421; Т. IV. 1724 г. Стб. 544; Т. V. 1725 г. СПб., 1897. Стб. 16–18, 38, 40; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1720 г. Д. 8. Л. 1–10; Оп. 552. 1724 г. Д. 24. Л. 1–1 об.; Оп. 553. 1745 г. Д. 277. Л. 1, 2; Ф. 579. Оп. 604. 1752 г. Д. 5. Л. 11; ПСПР. Т. I. 1721 г. СПб., 1869. № 100. С. 123–125; Т. V. 1725–1727 г. СПб., 1881. № 1533. С. 73–74; № 1548. С. 86–87.
- ²³ О выдаче монахам денежного и хлебного жалования по единообразному окладу, о сборе доходов с монастырских вотчин в Монастырский приказ, об оставлении в монастырях токмо нужного числа служек и об употреблении остаточных монастырских доходов на содержание бедных монастырей и богаделен // ПСЗ. Т. IV. № 1886. С. 181–182.
- ²⁴ В Нижегородском Вознесенском Печерском и Троицком Макарьева Желтоводском монастыре нормы денежного и хлебного жалования монахам были уменьшены еще в 1702 г. (ЦАНО. Ф. 570. Оп. 553. 1745 г. Д. 29. Л. 4, 11 об.). Так, размеры «равной» хлебной дачи монахов и отставных нижних чинов и унтер-офицеров составляли в 1724 г. две четверти ржи и ну четверть овса и полтора четверика круп (ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1722 г. Д. 53. Л. 1–1 об.; 1724 г. Л. 2–5, 8, 14). В Нижегородском Благовещенском монастыре, который с учреждением Синода стал его отдельным домовым монастырем, монашествующим в 1722–1724 г., находившимся на «братской трапезе», выплачивалось только денежное жалование на 53 чел. 146 руб. 20 коп., то есть в среднем по 2 руб. 76 коп. на одного человека в год. Бельцам монастыря полагалась по Табели исключительно хлебная дача на 24 чел. 203 четверти ржи и 2 четверти гречихи для получения гречневой крупы (подсчеты автора) (Нижегородский Благовещенский мужской монастырь в его прошедшем и настоящем состоянии. (Историко-статистический очерк). Н. Новгород, 1896. С. 7–8). обстоятельная Велико-Новгородского Юрьева мужского монастыря ведомость за 1721 г. фиксирует наличие в обители 5 отставных солдат, «которые присланы на корм по указу». Каждому отставному солдату выплачивали пенсионное жалование по 4 руб. и 8 четвертей хлеба. Однако вместо хлеба выдавали денежную компенсацию из расчета за одну юфть 4 руб. 30 коп. (ОДДСПС. Т. III. 1723 г. Прил. Стб. CCLXXIX).
- ²⁵ Фирсов М.В. История социальной работы. М., 2004. С. 202; Шимко И.И. Патриарший Казенный приказ... С. 285–286; Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования (XVIII век). Т. II. Казань, 1913. С. 8.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 36.
- ²⁷ Горчаков М.И. Монастырский приказ... С. 175.
- ²⁸ ОААНЛ. Т. I. Стб. 116. Для сравнения: в главном флотском храме во имя преподобного Исаакия Далматского, построенном по указанию Петра I на Адмиралтейском острове, по смете морского ведомства 1718 г. протопоп получал жалования 60 руб., в 1719 г. 102 руб., ржи и овса по 12 четвертей в год. Поп и один из дьяконов — 30 руб., ржаной муки по 10 четвертей, овса по 2 четверти каждый в год. Другой дьякон — денежное жалование 6 руб., ржаной муки 6 четвертей, овса 3 четверти в год. Пономарь и просвирица — 4 руб., ржаной муки 4 четверти, овса 2 четверти в год. Примерно такие же денежные и хлебные оклады имели священнослужители Рижского кафедрального собора Святых апостолов Петра и Павла (ОДДСПС. Т. III. 1723 г. Стб. 385). Священник другой морской церкви во имя Святой Живоначальной Троицы, открытой для военных и морских чинов галерного флота при Галерном дворе в Санкт-Петербурге, получал из флотского бюджета по 5 руб. и осмине ржаной муки в месяц. Полотняная походная церковь была поставлена по указу Синода в 1722 г. и находилась за старым адмиралтейским госпиталем, расположенным при речке Глухой (Ставровский А.А. С.-Петербургский Адмиралтейский собор во имя Святителя Спиридона Тримифунтского чудотворца. История и описание собора. СПб., 1906. С. 20–24; ПСПР. Т. II. 1722 г. СПб., 1872. № 782. С. 472).
- ²⁹ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого и его продолжение. Отд. II. Д. 71. Л. 316.
- ³⁰ ПСЗ. Т. XLIV. Отд. III. Ч. II: Книга штатов по духовной части. К № 4511. С. 1.
- ³¹ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 553. 1744 г. Д. 25. Л. 2; Оп. 553. 1745 г. Д. 29. Л. 4; Ф. 579. Оп. 604. 1763 г.

- Д. 11. Л. 23–24.
- ³² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3581. Л. 4.
- ³³ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 553. 1745 г. Д. 29. Л. 11 об.
- ³⁴ Об осмотре в Военном приказе престарелых раненых и увечных офицеров и нижних чинов, о назначении одних для учения рекрут, а других в богадельни и о пересмотре нищих в богадельнях ежемесячно // ПСЗ. Т. IV. № 2249. С. 476; О даче генералам, получившим генеральство в России, полковничьяго жалованья, а прочим по капитуляциям; о числе денщиков по чинам, о караулах при Генералитете, о суде над военными; о присылании в Комиссариат ведомостей о следующих к отставке, о бытии при аптеке докторам, а в полку по два лекаря и об окладе их жалованья, о бытии при аптеке комиссарам и провиантмейстерам и о содержании положенных на С.-Петербургскую губернию полков от Комиссариата // Т. V. № 2671. С. 26; Об осмотре офицеров, не способных к службе за старостию в Военной канцелярии // Т. V. № 2701. С. 48–49.
- ³⁵ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. Д. 10. Л. 2 об.; Д. 53. Л. 1–2, 8, 13–17 об.
- ³⁶ Для их пищевого довольствия в богадельнях было назначено по одному четверику ржаной муки в месяц и по одной копейке в сутки на одного человека, выделяемых за счет средств Монастырского приказа (*Россов, капитан*. Исторический очерк призрения отставных военных чинов в прошлом веке и в начале нынешнего столетия // ВС. 1863. № 4. С. 376).
- ³⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 33–33 об.; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. Д. 10. Л. 2 об.; Д. 53. Л. 1–2, 8, 13–17 об.
- ³⁸ ОААНЛ. Т. I. Стб. 540–541.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 33; Об отсылке не имеющих пропитания отставных от воинской службы чинов в монастыри и о даче им жалованья из монастырских доходов // ПСЗ. Т. VI. № 3409. С. 726.
- ⁴⁰ ОААНЛ. Т. I. Стб. 5–6.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 35 об., 36 об.; Об отсылке не имеющих пропитания отставных... // ПСЗ. Т. V. № 3409. С. 726; ОДДСПС. Т. IV. 1724 г. СПб., 1880. Стб. 474. Суточная дача с 1720 г. составляла 2,5 фунта ржаной муки (¹⁶/₃₀ гарнца) или 3 фунта хлеба или 1,75 фунта сахарей и 0,33 фунта крупы (*Дуров И.Г.* Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого. Н. Новгород, 2002. С. 136).
- ⁴² ОДДСПС. Т. I. 1542–1721 г. СПб., 1868. Стб. 450; ПСПР. Т. IV. 1724–1725 г. СПб., 1876. № 1294. С. 130.
- ⁴³ В делопроизводственных материалах РГАДА вышеназванный указ Петра I датируется не 3, а 29 мая 1720 г. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 35 об., 36 об., 37 об.).
- ⁴⁴ О посылке неспособных офицеров, урядников и рядовых за неимением пропитания в монастыри и богадельни, куда пожелают // ПСЗ. Т. VI. № 3576. С. 188–189; РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 35 об.; ОДДСПС. Т. IV. 1724 г. СПб., 1880. Стб. 474, 475.
- ⁴⁵ Об осмотре генерал-губернаторам военных людей и о даче отставки тем, кои за старостию или болезнями служить не могут // ПСЗ. Т. VI. № 3665. С. 249–250.
- ⁴⁶ *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 50, 309; *Некрасов Г.А.* Основные этапы гражданского, промышленного и культурного строительства в Петербурге (первая четверть XVIII в.) // Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв.: Сб. ст. М., 1983. С. 103–117; *Ставровский А.А.* С.-Петербургский Адмиралтейский собор... С. 20–30.
- ⁴⁷ ОААНЛ. Т. II. Стб. 922–930; ОДДСПС. Т. III. 1723 г. Стб. 20–21; О переписке в монастырях монахов, о непострижении их вновь и об определении на убыльня места отставных солдат // ПСЗ. Т. VII. № 4151. С. 18; № 4426. С. 207; О звании монашеском, об определении в монастыри отставных солдат и об учреждении Семинарии и госпиталей // Т. VII. № 4450. С. 226, 230–231; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3581. Л. 1–12 об.; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 71. Л. 289 об.–290, 291–293 об., 316–317; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1720 г. Д. 10. Л. 1–6; Оп. 552. 1722 г. Д. 53. Л. 13–17; Оп. 552. 1725 г. Д. 141. Л. 5–6; *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. Прил. III. С. 715. Эта тенденция сохранилась и при преемниках Петра Великого. См.: О даче определяемым для пропитания в монастыри отставным штаб- и обер-офицерам и рядовым жалованья по приложенной табели против Московскаго гарнизоннаго оклада // ПСЗ. Т. VIII. № 5688. С. 375–377; № 6321. С. 26–27; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1728 г. Д. 126. Л. 1. (Доношение монахов Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря о представлении ведомостей об отставных офицерах, находящихся в монастыре); Д. 5. Л. 1–1 об.; Оп. 552. 1741 г. Д. 16. Л. 1–3; Ф. 579. Оп. 604. 1752 г. Д. 5. Л. 8, 86–87, 129. (Сведения о денежной сумме в Нижегородском архиерейском доме и количестве хлеба в Нижегородском Вознесенском Печерском монастыре за 1754 г.); Оп. 604.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

- 1760 г. Д. 8. Л. 285; Оп. 604. 1761 г. Д. 10. Л. 1–4 и др.
- ⁴⁸ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1724 г. Д. 5. Л. 1–1 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 2–3 об., 6–9.
- ⁵⁰ О задержании в Москве празднующихся монахов и нищих и о приводе таковых в Монастырской приказ // ПСЗ. Т. V. № 3172. С. 546; Инструкция, или Наказ воеводам // № 3294. С. 627; О приведении в известность во всем государстве сколько останется в монастырях хлеба и денежных доходов, за исключением подушных денег, дабы по тому разложить, где сколько следует содержать нищих и сирот и монахов и сколько уделить можно на содержание училищ // Т. VII. № 4426. С. 207; О звании монашеском, об определении в монастыри отставных солдат... // № 4450. С. 231; Об определении при архиереях и в монастырях приказных служителей вместо викариев и наместников, и о сочинении им инструкции, о посвящении в священники и диаконы из крестьян, если других годных не найдется, и о даче порции солдатам увечным // № 4455. С. 249; РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 35.
- ⁵¹ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1725 г. Д. 109. Л. 1–4, 4 об.–5, 6 об., 7 об.–8; Д. 22. Л. 11, 17–17 об., 38 об., 40, 55–56, 62; Оп. 552. 1726 г. Д. 124. Л. 5, 9; Оп. 552. 1728 г. Д. 126. Л. 1. Эта тенденция была полностью сохранена и при приемниках Петра I. См.: Рапорт, поданный консистории Нижегородской епархии от игуменьи Рождественского Лысковского девичьего монастыря за 1746 об убывших из данного монастыря священно- и церковнослужителей, монахинь, «кто, когда и куды выбыли» (ЦАНО. Ф. 570. Оп. 553. 1744 г. Д. 25. Л. 5–6).
- ⁵² Загоровский В.П. Петр Великий на Воронежской земле. Воронеж, 1996. С. 86–87; Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX в... Т. II. С. 14.
- ⁵³ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. Д. 10. Л. 1–3 об.; ПСЗ. Т. XLIV. Отд. III. Ч. II. К № 4511. С. 1–3.
- ⁵⁴ Фирсов М.В. История социальной работы. М., 2004. С. 203; ОААНЛ. Т. I. Стб. 116; Д. и П. Кн. I. СПб., 1901. № 406. С. 339.
- ⁵⁵ Об отсылке не имеющих пропитания отставных... // ПСЗ. Т. V. № 3409. С. 726; РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 33–34.
- ⁵⁶ ПСПР. Т. I. 1721 г. № 331. С. 346–347.
- ⁵⁷ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1726 г. Д. 200. Л. 1–4; Покровский И.М. Средства и штаты... Прил. С. 64–65.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 35, 36, 44–44 об.
- ⁵⁹ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 553. 1744 г. Д. 29. Л. 3–6 об., 9–9 об., 11–16, 26–31, 35–38, 42–47 об., 50–54, 58–65, 68–72, 76–82 об., 91–97 об., 99–103 об., 105–115 об., 118–124 об., 126–132 об., 135–139 об., 141–145 об., 148–153, 156–163, 165–169, 172–187, 190–196, 198–205, 207–211 об., 213–229; Д. 25. Л. 2 об.–3, 4 об., 8–9 об.
- ⁶⁰ Горчаков М.И. Монастырский приказ... С. 171, 193; Лебедев А.С. Отставные военные... С. 2–4.
- ⁶¹ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1720 г. Д. 10. Л. 1–5 об. Подсчитано автором.
- ⁶² Там же. Оп. 552. 1725 г. Д. 22. Л. 11, 55, 62; Д. 109. Л. 1–3.
- ⁶³ Лебедев А.С. Отставные военные... С. 6–7, 9–25; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1722–1724 г. Д. 53. Л. 8, 13–13 об.
- ⁶⁴ Верховской П.В. Населенные недвижимые имущества... С. 309–310; Розанов Н.П. История Московского епархиального управления со времени учреждения Святейшего Синода (1721–1821). Ч. I. М., 1869. С. 56.
- ⁶⁵ Лебедев А.С. Отставные военные... С. 11–12.
- ⁶⁶ Розанов Н.П. История Московского епархиального управления со времени учреждения Святейшего Синода (1721–1821). Ч. II. М., 1870. С. 60–62; Лебедев А.С. Применение наказаний в среде духовенства и мирян Белгородской епархии в XVIII веке // РС. 1892. Т. 73 (Январь–февраль–март). С. 313–338.
- ⁶⁷ О разделении духовных имений и о сборе со всех архиерейских, монастырских и других церковных крестьян, с каждой души, по 1 рублю 50 копеек // ПСЗ. Т. XVI. № 12060. С. 549–569.
- ⁶⁸ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1741 г. Д. 16. Л. 1–3.
- ⁶⁹ Верховской П.В. Вопрос о церковных имениях в двадцатых годах... С. 1.
- ⁷⁰ ПСПР. Т. I. № 53. С. 80.
- ⁷¹ Там же. № 81. С. 102. В 1721 г. по указу Петра I из Монастырского приказа отпущено из за определенных вотчин Чудова монастыря в Симонов монастырь, что в Москве, на госпитальный двор 134 четверти хлеба. Кроме того, отставным чинам (17 чел.) выдано 100 четвертей на год, солдатским женам (30 чел.) ржи по 3 четверти на год каждой. В 1722 г. хлеба в жалованье отставным следовало отпустить 139 четвертей, но выдано оно с заменой овсом в соотношении за одну четверть ржи две четверти овса, всего только 72 четверти. А остального хлеба выдавать было не из чего. 18 апреля 1722 г. Синод разрешил Чудову монастырю брать из своих вотчин хлеб на пропитание монахов, на дачу хлебного жалованья отставным военным и морским чинам, в него

- присланным, и на другие хозяйственные потребности (ПСПр. Т. II. 1722 г. № 546. С. 192).
- ⁷² О посылке неспособных офицеров, урядников... // ПСЗ. Т. VI. № 3576. С. 188–189.
- ⁷³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 35.
- ⁷⁴ ПСПр. Т. II. 1722 г. № 355. С. 12.
- ⁷⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 40. В другом источнике написано, что от генерал-майора Г.П. Чернышева в 1722 г. в Святейший Синод прибыло 500 отставных офицеров, драгун и солдат, из которых 436 чел. были направлены в Монастырский приказ; 47 чел., оказавшихся «из крестьянских детей с пашни», отосланы к надлежащему определению в Сенат; 17 чел. оставлены при Синодальной канцелярии для караулов и посылки. Всем им установили в зависимости от воинского чина и занимаемой должности три оклада годового денежного, хлебного, соляного жалованья: I-й – 18 руб., 6 юфтей хлеба, 4 пуда соли; II-й – 17 руб., 5 юфтей хлеба, 3 пуда соли; III-й – 12 руб., 2,5 юфти хлеба, 1,5 пуда соли. Кроме того, каждому в год выплачивалось на покупку мяса по 1 руб. 32 коп. (ОДДСПС. СПб., 1897. Т. V. 1725 г. Стб. 536–537).
- ⁷⁶ Попов Н.А. В.Н. Татищев и его время. С. 219.
- ⁷⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 42 об.
- ⁷⁸ Там же. Л. 36–37 об.; Горчаков М.И. Монастырский приказ... С. 194–195. Прил. С. 43–44.
- ⁷⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 43 об.
- ⁸⁰ Там же. Л. 35 об.–36; ПСПр. Т. II. 1722 г. № 357. С. 13.
- ⁸¹ ПСПр. Т. II. 1722 г. № 536. С. 180.
- ⁸² Об отдаче в больницы отбираемого от духовных в Тайную канцелярию имущества и о порциях служивым людям, содержимым монастырями // ПСЗ. Т. VI. № 3962. С. 650.
- ⁸³ О даче определяемым для пропитания в монастыри отставным... // ПСЗ. Т. VIII. № 5688. С. 377; Россов. Исторический очерк призрения... С. 378.
- ⁸⁴ Об отсылке не имеющих пропитания отставных... // ПСЗ. Т. V. № 3409. С. 726.
- ⁸⁵ Подсчитано автором путем сравнения по данным: О даче определяемым для пропитания в монастыри отставным... // ПСЗ. Т. VIII. № 5688. С. 377; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 553. 1744 г. Д. 25. Л. 2; Ф. 579. Оп. 604. 1763 г. Д. 11. Л. 23–24.
- ⁸⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 36; Лебедев А.С. Отставные военные... С. 3.
- ⁸⁷ ПСПр. Т. II. 1722 г. № 759. С. 449–450; РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 39.
- ⁸⁸ ОДДСПС. Т. V. 1725 г. Стб. 155–156.
- ⁸⁹ ПСПр. Т. II. 1722 г. № 765. С. 455.
- ⁹⁰ Там же. № 836. С. 531.
- ⁹¹ Они входили в состав 535 отставных офицеров, урядников, солдат и матросов, определенных в 1722 г. в монастыри «на пропитание» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 40).
- ⁹² В какое ведомство отправлены оставшиеся два ветерана, источник не сообщает. Возможно, что после отказа Г.П. Чернышева, все 29 престарелых драгун и солдат были направлены для пропитания в бедные, малобратские монастыри Псковской епархии (ОДДСПС. Т. III. 1723 г. Стб. 351).
- ⁹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 40–41.
- ⁹⁴ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1723 г. Д. 46. Л. 1–2 об.
- ⁹⁵ ЦАНО. Ф. 579. Оп. 604. 1759 г. Д. 8. Л. 144 об.
- ⁹⁶ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 553. 1744 г. Д. 25. Л. 8–9 об.; Оп. 553. 1745 г. Д. 29. Л. 6–6 об.; Ф. 579. Оп. 604. 1752 г. Д. 5. Л. 47–49, 90; Оп. 604. 1754 г. Д. 7. Л. 1–4 об.; Д. 10. Л. 22–25 об.; Оп. 604. 1760 г. Д. 8. Л. 296–296 об.; Ф. 579. Оп. 589а. 1763 г. Д. 1. Л. 176–176 об.
- ⁹⁷ Лебедев А.С. Отставные военные... С. 4–5.
- ⁹⁸ ОДДСПС. Т. III. 1723 г. Стб. 518.
- ⁹⁹ ПСПр. Т. III. 1723 г. № 1153. С. 232–234.
- ¹⁰⁰ ОДДСПС. Т. IV. 1724 г. Стб. 336, 551; СПб., 1883. Т. VI. 1726 г. Стб. 412, 422–423; СПб., 1885. Т. VII. 1727 г. Стб. 313–314, 322.
- ¹⁰¹ ПСПр. Т. IV. 1724–1725 г. № 1233. С. 88–89.
- ¹⁰² ОДДСПС. Т. VI. 1726 г. Стб. 270–271. В синодальных богадельнях с 11 сентября 1728 г. для раздачи кормовых денег отставным военным чинам, богаделенным нищим и монахицам Моисеевского монастыря в Москве указом Святейшего Синода была учреждена должность комиссара (ПСПр. Т. VI. 1727–1730 г. СПб., 1889. № 2174. С. 245).
- ¹⁰³ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1729 г. Д. 168. Л. 1–1 об.; Оп. 553. 1748 г. Д. 262. Л. 1–2; Оп. 553. 1749 г. Д. 169. Л. 1–3; Д. 290. Л. 1–3 об.; ОДДСПС. Т. IV. 1724 г. Стб. 203; Т. V. 1725 г. СПб., 1897. Стб. 94–95.
- ¹⁰⁴ ОДДСПС. Т. III. 1723 г. Стб. 117.
- ¹⁰⁵ Лебедев А.С. Отставные военные... С. 7.
- ¹⁰⁶ Берк К.Р. Путевые заметки о России // Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 232; Об определении при архиереях и в монастырях... // ПСЗ. Т. VII. № 4455. С. 249.
- ¹⁰⁷ ПСПр. Т. I. № 79. С. 100–101.
- ¹⁰⁸ Об отсылке в монастыри преступников за старостию лет и от природы увечных, также и умалишенных людей по-прежнему // ПСЗ. Т. VII. № 5034. С. 761.
- ¹⁰⁹ Описание документов и бумаг... Кн. 4. С. 60.
- ¹¹⁰ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1727 г. Д. 113. Л. 3;

- Ф. 579. Оп. 589 а. Д. 1. Л. 113–113 об., 176–176 об.; Оп. 604. Д. 8. Л. 132–133 об., 144 об.
- ¹¹¹ *Покровский И.М.* Средства и штаты... С. 133, 134; *Лебедев А.С.* Отставные военные... С. 11. 13 ноября 1721 г. Синод приговорил определять отставных офицеров лейб-гвардейских и прочих полков русской регулярной армии в мужские и женские монастыри, «в которые пристойно, к делам, к каким кто будет годен» (ПСПр. Т. I. 1721 г. № 274. С. 288).
- ¹¹² ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1727 г. Д. 113. Л. 3; Ф. 579. Оп. 589 а. Д. 1. Л. 113–113 об., 176–176 об.; Оп. 604. Д. 8. Л. 132–133 об., 144 об.; О посылке неспособных офицеров, урядников... // ПСЗ. Т. VI. № 3576. С. 188–189; Об отдаче в больницы отбираемого от духовных... // № 3962. С. 650; *Лебедев А.С.* Отставные военные... С. 3–7.
- ¹¹³ О посылке неспособных офицеров, урядников... // ПСЗ. Т. VI. № 3576. С. 188–189.
- ¹¹⁴ ОДАММ. Т. VI. СПб., 1891. С. 710.
- ¹¹⁵ *Дэшвуд Ф.* Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. С. 65.
- ¹¹⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 30. Л. 392 об., 411. Данные по состоянию на 1716 г.
- ¹¹⁷ Там же. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Д. 143. Л. 223–224 об.
- ¹¹⁸ В.Н. Татищев в 1704 г. был призван в армию и служил до 1720 г. (*Попов Н.А.* В.Н. Татищев и его время. С. 13, 16).
- ¹¹⁹ *Татищев В.Н.* Духовная моему сыну. СПб., 1896. С. 18.
- ¹²⁰ ОДДСПС. Т. III. 1723 г. Стб. 111.
- ¹²¹ О звании монашеском, об определении в монастыри отставных солдат... // ПСЗ. Т. VII. № 4450. С. 231; ОААНЛ. Т. I. Стб. 359–362.
- ¹²² Прибавление о правилах притча и чина монашеского // ПСЗ. Т. VI. № 4022. С. 710–713; ПСПР. Т. IV. 1724–1725 г. № 1197. С. 59; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 71. Л. 295–306.
- ¹²³ По указу Петра I, предварительно попросившего разрешения Вселенского Константинопольского патриарха Иеремия, и по согласованию с высшими иерархами Русской православной церкви в 1716 г. в питании личного состава сократили количество постных дней, предусмотренных для мирян (более 220) вначале до 178, а затем до 169. Только среда и пятница в армии и во флоте являлись постными днями, если в них не было религиозного праздника (*Ляховская Л.П.* Энциклопедия православной обрядовой кухни. Праздники, традиции, обычаи, обряды. СПб., 1993. С. 260; *Дуров И.Г.* Провиантское обеспечение флота... С. 124–128; РГАВМФ. Ф. 212. Государственная Адмиралтейств-коллегия. Оп. 1720 г. Д. 41. Л. 2–2 об., 78–79).
- ¹²⁴ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1722 г. Д. 53. Л. 8. Денежная компенсация, выплачиваемая за одну четверть ржаной муки в размере 1 руб. 20 коп. из-за повсеместных неурожаев 1722–1724 г. в стране не успевала за ростом цен на съестные припасы, поэтому рядовые и унтер-офицеры просили отпуска им положенной хлебной дачи натурой на руки. Тем более, цены на продукты питания в Москве, куда направлялись на строевой смотр отставные чины, находившиеся в монастырях Нижегородской епархии на пропитании, в среднем в 1,5 раза превышали нижегородские, а в Санкт-Петербурге с установившейся дороговизной — в 2–3 раза. Стоимость хлеба в 1724 г. по московской зимней средней цене составляла 2 руб. 50 коп. за юфть, тогда как в 1725–1726 г. в Астрахани стоимость одной четверти ржаной муки колебалась в пределах 1 руб. 10 коп. – 1 руб. 50 коп. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 814. Л. 808; ОДДСПС. Т. III. 1723 г. Стб. 228–229; Там же. Т. V. 1725 г. Стб. 85, 132). Подсчитано автором. Именно дороговизна продуктов вызвала появления указа правительства Петра I от 24 декабря 1724 г., чтобы во всех губерниях, провинциях, городах и прочих населенных пунктах муку, крупу, солод, толокно и всякий молотый и толченый хлеб продавать в вес, а не на меру, «почему пуд надлежит умеренными ценами и [взвешивать только] в заорленные весы» (ОДДСПС. Т. V. 1725 г. Стб. 96).
- ¹²⁵ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1722 г. Д. 53. Л. 13 об.–17.
- ¹²⁶ *Смирнов Д.Н.* Нижегородская старина. С. 97.
- ¹²⁷ ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 321. С. 382; № 381. С. 482–484; ААЭ. Т. III. 1613–1645. СПб., 1836. № 331. С. 485.
- ¹²⁸ *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. С. 19–20.
- ¹²⁹ К примеру, трапезная в Нижегородском Вознесенском Печерском мужском монастыре была длиной 20 сажень, а шириной в 11 сажень с четвертью (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 604. 1763 г. Д. 11. Л. 15).
- ¹³⁰ *Чистович И.А.* История Православной церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1856. С. 85–86.
- ¹³¹ ОААНЛ. Т. II. 1717–1719 годы. СПб., 1911. Стб. 351–353, 922–930; *Смирнов Д.Н.* Ниже-

- городская старина. С. 97.
- ¹³² Дуров И.Г. Провиантское обеспечение флота... С. 111.
- ¹³³ Об отдаче в больницы отбираемого от духовных... // ПСЗ. Т. VI. № 3962. С. 650.
- ¹³⁴ См.: Роспись столовой посуды и кухонного оборудования и инвентаря в Нижегородском Вознесенском Печерском мужском монастыре // ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 796. Л. 1–4.
- ¹³⁵ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1722–1724 г. Д. 53. Л. 2, 8, 14, 16.
- ¹³⁶ В монастырях выпекалась бревнообразная коврига, своей формой напоминающая кирпич с округленными формами, длиной около одного метра и весом от 16 фунтов до 1,5 пуда. В продажу же монастырский хлеб поступал ломтями на вес. Ломоть хлеба означал кусок толщиной в палец (дюйм), отрезанный во все сечение каравая, и весил примерно $\frac{1}{2}$ – $\frac{5}{6}$ фунта (Иванов Л.М. О хлебопечении вообще и о существующих в России больших хлебопекарных и сухарных заводах для снабжения русской армии // Записки Императорского Русского технического общества и свод привилегий по департаменту торговли и мануфактур. Год 12-й. 1878. Вып. 3. С. 149; *Похлебкин В.В.* Из истории русской кулинарной культуры. Кушать подано! [По произведениям русской классической драматургии конца XVIII – начала XX]. М., 1996. С. 59–60; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1720 г. Д. 10. Л. 3–3 об.), 1 фунт = 409,5 г.; 1 пуд = 40 фунтов = 16,38 кг; 1 дюйм = 2,54 см.
- ¹³⁷ *Ольшевский Н.* Святейший Правительствующий Синод при Петре Великом, его организация и деятельность. Киев, 1894. С. 80; *Бахтияров А.А.* Питание русских монастырей // Наша пища. 1893. № 23–5. С. 362; *Кузенков О.А., Кузенкова Г.В.* Христианская традиция питания // Энциклопедия Православной кухни. Н. Новгород, 1999. С. 8; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1726 г. Д. 191. Л. 1–1 об., 4, 7 об.–8, 11–11 об.
- ¹³⁸ Черное духовенство также платило взаимностью монарху, ведя как устно пропаганду против его деяний, называя его в проповедях антихристом и губителем Святой Руси, так и распространяя об этом «подметные письма» в народ (*Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. М., 1957. С. 128–160).
- ¹³⁹ *Нартов А.А.* Рассказы о Петре Великом... С. 83.
- ¹⁴⁰ Прибавление о правилах притча... // ПСЗ. Т. VI. № 4022. С. 708.
- ¹⁴¹ Там же. С. 710–713.
- ¹⁴² ПСПР. Т. IV. 1724–1725 г. № 1197. С. 58. Пункт 2.
- ¹⁴³ Расходная книга Патриаршего приказа кушаньям, подававшим патриарху Андриану и разного числа лицам с сентября 1698 по август 1699 г. СПб., 1890. С. I–X; *Шимко И.И.* Патриарший Казенный приказ. С. 17–18.
- ¹⁴⁴ *Покровский И.М.* Средства и штаты... С. 67–68; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 71. Л. 282, 289 об.–290, 295–306.
- ¹⁴⁵ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1719 г. Д. 113 а. Л. 1–2; Оп. 552. 1720 г. Д. 10. Л. 1 об.–2; Ф. 579. Оп. 589 а. 1763 г. Д. 1. Л. 113–113 об.; Ф. 579. Оп. 604. 1744 г. Д. 3. Л. III, 1–154; Оп. 604. 1752 г. Л. 86, 129; Нижегородский Благовещенский мужской монастырь в его прошедшем и настоящем состоянии. (Историко-статистический очерк). Н. Новгород, 1898. С. 5–8; *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк и описание Нижнего Новгорода. Н. Новгород, 1857. С. 112.
- ¹⁴⁶ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1724 г. Д. 5. Л. 11–11 об.
- ¹⁴⁷ Описание документов и бумаг... Кн. 4. С. 59; РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого и его продолжение. Отд. II. Д. 71. Л. 290; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1720 г. Д. 10. Л. 3–3 об.; Ф. 579. Оп. 604. 1759 г. Д. 8. Л. 132–133 об.
- ¹⁴⁸ В 1722 г. за Благовещенским мужским монастырем числилось 4159 душ. Кроме 103 монастырских служек, на рублевом оброке находились 3846 душ, а на пашне (барщине) 416 чел. (*Шумаков С.А.* Материалы для истории Нижегородского края. Вып. I. Обзор арзамасских (1561–1761 гг.) и балахнинских (1538–1755 гг.) актов. Н. Новгород, 1898. С. 366–367).
- ¹⁴⁹ Красовуля — расписная деревянная чашка, употребляемая в монастырях за трапезой.
- ¹⁵⁰ Описание документов и бумаг... Кн. 4. С. 61, 65, 71, 77; *Гольцев В.А.* Законодательство и нравы в России XVIII века. 2-е изд. СПб., 1896. С. 81–84; *Смирнов Д.Н.* Нижегородская старина. С. 97–98. В феврале 1649 г. патриарх Московский и Всея Руси Иосиф направил в мужские монастыри грамоту, где предписывал игуменам запретить хранить в обителях всякое хмельное питье (ААЭ. Т. IV. 1645–1700. СПб., 1836. № 57. С. 37; № 325. С. 485–486).
- ¹⁵¹ ОДДСПС. Т. III. 1723 г. Стб. 17–18, 664–665. 12 апреля 1728 г. состоялся указ Святейшего Синода «О поддержании в Синодальном доме обеденных столов в определенные в году дни, по обычаям XVII века». На столы архиереям подавались блюда, приготовленные из высококачественных продуктов, дорогие вина (ПСПР. Т. VI. 1727–1730 г. СПб., 1889. № 2123. С. 147–150).

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

- ¹⁵² *Знаменский П.В.* Руководство к русской церковной истории. 2-е изд., испр. и доп. Казань, 1876. С. 364; *Покровский И.М.* Русские епархии в XVI–XIX вв... Т. II. С. 638–640, 643–644, 650–653.
- ¹⁵³ *Покровский И.М.* Средства и штаты... С. 63–64, 71–73, 88–95; ОДДСПС. Т. III. 1723 г. Стб. 17–18.
- ¹⁵⁴ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1726 г. Д. 200. Л. 5–5 об., 8 об.–9, 10.
- ¹⁵⁵ *Морохин А.В.* Архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим. Церковный деятель эпохи перемен. Н. Новгород, 2009. С. 143–144.
- ¹⁵⁶ *Горчаков М.И.* Монастырский приказ... С. 154.
- ¹⁵⁷ *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия. 2-е изд. СПб., 1905. С. 202.
- ¹⁵⁸ *Голубинский Е.Е.* История Русской церкви. М., 1901. Т. I. Ч. II. С. 710.
- ¹⁵⁹ О приучении монахинь к рукоделиям и ремеслам // ПСЗ. Т. VI. № 4089. С. 770–771; *Знаменский П.В.* Руководство к русской церковной истории. 2-е изд., испр. и доп. Казань, 1876. С. 318.
- ¹⁶⁰ ОДДСПС. Т. V. 1725 г. Стб. 394–395.
- ¹⁶¹ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 553. 1744 г. Д. 25. Л. 4 об.; Оп. 553. 1745 г. Д. 29. Л. 5 об.; *Морохин А.В.* Архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим. С. 58, 62, 66, 89, 96–97, 150.
- ¹⁶² ЦАНО. Ф. 570. Оп. 553. 1747 г. Д. 7. Л. 1–4; ОДДСПС. Т. III. 1723 г. Стб. 137; *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. С. 57.
- ¹⁶³ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1724 г. Д. 5. Л. 3; Оп. 553. 1746 г. Д. 25. Л. 3.
- ¹⁶⁴ *Верховской П.В.* Вопрос о церковных имениях в двадцатых годах... С. 10–12, 14, 27; *Лебедев А.С.* Отставные военные... С. 3.
- ¹⁶⁵ ОДДСПС. Т. V. 1725 г. Стб. 543–544; ПСПР. Т. V. 1725–1727 г. № 1676. С. 214–215.
- ¹⁶⁶ О переписке в монастырях монахов... // ПСЗ. Т. VII. № 4151. С. 18.
- ¹⁶⁷ О заведении в монастырях ведомостей о личном составе монахов, о рапорте в Синод уменьшения сего состава, о непострижении вновь и об определении на убыль места отставных солдат // ПСПР. Т. III. 1723 г. № 997. С. 30–31.
- ¹⁶⁸ ПСПР. Т. III. 1723 г. № 1055. С. 92.
- ¹⁶⁹ О переписке в монастырях монахов... // ПСЗ. Т. VII. № 4151. С. 18.
- ¹⁷⁰ *Верховской П.В.* Населенные недвижимые имения... С. 311–312.
- ¹⁷¹ *Лебедев А.С.* Отставные военные... С. 8.
- ¹⁷² ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1722 г. Д. 53. Л. 7 об.–8, 13–16 об.
- ¹⁷³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 32–32 об.
- ¹⁷⁴ ОДДСПС. Т. III. 1723 г. Стб. 429.
- ¹⁷⁵ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. 1720–1722 г. Д. 10. Л. 2 об.
- ¹⁷⁶ *Верховской П.В.* Населенные недвижимые имения... С. 313–314.
- ¹⁷⁷ Цит. по: *Лебедев А.С.* Отставные военные... С. 16.
- ¹⁷⁸ О переписке душ // ПСЗ. Т. VII. № 4145. С. 10–16.
- ¹⁷⁹ Об отсылке отставных драгун и солдат в монастыри // Там же. № 4183. С. 30.
- ¹⁸⁰ ЦАНО. Ф. 579. Оп. 604. 1763 г. Д. 11. Л. 23–24.
- ¹⁸¹ Там же. Оп. 604. 1754 г. Д. 6. Л. 11; Д. 7. Л. 2.
- ¹⁸² ПСПР. Т. IV. 1724–1725 г. № 1197. С. 59.
- ¹⁸³ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 71. Л. 290. В богадельнях действовала другая норма, когда один здоровый ухаживал за десятью больными (Об определении в домовыя Святейшаго Патриарха... // ПСЗ. Т. IV. № 1856. С. 168).
- ¹⁸⁴ *Верховской П.В.* Вопрос о церковных имениях в двадцатых годах... С. 26–27.
- ¹⁸⁵ *Лебедев А.С.* Отставные военные... С. 11.
- ¹⁸⁶ ОДДСПС. Т. IV. 1724 г. Стб. 42, 336.
- ¹⁸⁷ ПСПР. Т. II. 1722 г. № 806. С. 500.
- ¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 71. Л. 290, 316; Ф. 248. Оп. 13. Кн. 688. Л. 32–44.
- ¹⁸⁹ О даче определяемым для пропитания в монастыри отставным... // ПСЗ. Т. VIII. № 5688. С. 375–377.
- ¹⁹⁰ Подсчитано автором путем сравнения и деления данных, изложенных Н.Н. Поповым (*Попов Н.Н.* История 2-го гренадерского Ростовского полка. Т. I. М., 1902. С. 256); *Россов.* Исторический очерк призрения... С. 378; О даче определяемым для пропитания в монастыри отставным... // ПСЗ. Т. VIII. № 5688. С. 377.